

A close-up photograph of two bees on a honeycomb. The bees are positioned diagonally, one on the left and one on the right. The honeycomb cells are filled with a golden-brown liquid, likely honey, and are arranged in a hexagonal pattern. The lighting is warm, highlighting the texture of the bees' bodies and the sheen of the honey.

Алекс Коста

Мед

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алекс Коста

Мед

«Автор»

2023

Коста А.

Мед / А. Коста — «Автор», 2023

Добротный детектив с неожиданной развязкой. Персонажи хорошо прописаны, а по тексту — много подсказок, так что, можно было бы догадаться... но, зачем — если автор дает «вау» в конце. По сюжету, главный герой ищет пропавшую жену, действие происходит среди московской элиты. Меня в начале триггерил от сарказма, разврата и вечной жажды наживы, а потом унесло в этот мир. Читать можно как вдумчиво, так и стоя в очереди. Роман эмоционален, за счет флэшбеков и вкусного описания эмоций. Вообще, складывается ощущение, что пока ты читаешь, ты живешь книгой. Хорошее ощущение, признаюсь, ради которого стоит читать. Маст рид — для тех, кто в разводе, разлуке, расставании. Книга в чем-то лечит, а хэдлайнер «Жизнь всегда продолжается. — Да, всегда!» — чувствуешь своим кредо. Ведь и правда: продолжается! — и это легко и просто одновременно.

© Коста А., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Желтый. Часть 1	17
ТОТ ДЕНЬ	23
Глава 2. Лера	24
ТОТ ДЕНЬ	35
Глава 3. Сусанна	39
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Алекс Коста

Мед

Дисклеймер

Все персонажи, имена и события вымышлены, любые совпадения с реальными людьми или событиями случайны.

Высказывания и поступки героев представляют собой художественный вымысел, не отражают позицию автора по религиозным, историческим, политическим, расовым, культурным аспектам и ни при каких обстоятельствах не служат манипуляторным или иным подобным целям.

Текст содержит ненормативную лексику, сцены половых актов и актов насилия.

Ограничение по возрасту: 18+

Глава 1. Список Коломийца

Мне не посадить этот «самолет».

Но я смогу оставить после себя «черный ящик»...

– Валерий Александрович, когда вы в последний раз видели жену?

Глеб Евгеньевич Коломиец больше был похож на персонажа фильмов Гая Ричи, чем на московского следователя: жилетка «Gant», рубашка «smart cotton», лицо без алкогольных подглазьев, пальцы не протравлены никотином.

– Две недели назад.

– А почему не подали заявление раньше?

– Мы сейчас... пока... – подходило слово «расстались», но я не смог его произнести. – Мы пока... не жили вместе.

– Разошлись?

«Разошлись» хуже, чем «расстались». Расстаются на время. Расстаются, чтобы снова быть вместе. А «расходятся» в море корабли, случайно встретившись на разных курсах.

– Да нет...

– Родственников и друзей обзвонили?

– Пока нет.

– Почему?

– Не знаю... Не успел.

– А вы знаете, куда она могла поехать? К кому?

– Поехать? К кому?

– Возвращаемся к первому вопросу. Родственники, друзья, к которым она могла уехать, не предупредив вас?

«Не предупредив вас...»

Иногда в самом начале разговора чувствуешь, что собеседник против тебя.

– Нет... Не знаю.

– Хорошо. Какой у нее круг?

– Круг?

– И снова к первому вопросу... Знакомые, друзья, родственники?

«Точно, против меня!»

– Психотерапевт Борис.

– Добро́. – Пальцы Коломийца, как будто с невидимыми присосками, пробежали по клавиатуре. – Еще?

– Сусанна, бывший тренер по пилатесу.

– Добро́. – Опять бегающие пальцы-присоски. – Кто-то еще?

- Может, бывший муж?
- Может... Вы меня спрашиваете?
- Да нет...

Присоски замерли, повисла пауза: по десятибалльной шкале неловкости – на шесть-семь.

Я стал разглядывать фотографии на стене. Рядами висели портреты мужчин с лицами Ивана Поддубного, но не с атлетическими фигурами, а с грушевидными. Выше «груш» висел кто-то в аксельбантах, с кавалерийскими усами – похож на Байрона, но не с восторженными глазами, а с хитрыми и колючими.

- А кто это? – спросил я.
- Кочубей, первый министр внутренних дел.
- А остальные?

– Сотрудники отделения полиции. Это повесил мой предшественник: любил командный спорт и читал историю министерства.

«А я ненавижу командный спорт, а тем более – министерство», – хотел сказать я, но вместо этого:

– Странно, что Кочубей, почти свидетель французской революции, потом стал первым министром внутренних дел.

- Да вы эрудит, Валерий Александрович! – Коломиец впервые посмотрел глаза в глаза.
- Да нет... Просто иногда хорошо запоминаю детали.
- Ясно. Давайте дальше! Куда все-таки могла поехать ваша жена?
- Не знаю.
- У вас были разногласия?
- Нет, не было.
- Не было, но вы расстались?

– Просто не жили вместе. Временно... какое-то время.

– Тогда пойдем дальше по списку. Тренер по пилатесу, психотерапевт, бывший муж. Кто-то еще?

- Домработница Галина! – я почему-то с радостью вспомнил ее.
- Вы сегодня пили? – Коломиец искусственно нахмурился. – Что-то принимали?
- Чуть-чуть...

Я мысленно подсчитал количество фляжек с джином, определение «чуть-чуть» подошло с натяжкой.

- Ясно. Кто-то еще из близких?
- Бывшая сестра Лера.
- А почему бывшая?
- Юля так ее называла. Они ссорились.

Мягко сказано! Когда Юля говорила о Лере, половина слов были «сука» и «сдохни», а все остальные – «вот бы» и «скорей бы».

- Добрó. Еще?
- Младший брат, звали Рустам.
- Звали? Тоже бывший?
- Он погиб.
- Как именно?
- Разбился на парашуте.
- Давно?
- Несколько лет назад.
- Ясно. Тогда вычеркиваем.

Как часто «итога» всей жизни сопровождается словом «вычеркиваем». Или, наоборот: «запишем».

– Машина у вашей жены была? Судя по базе данных, «Инфинити» модели «Джи тридцать пять икс купе спорт». Вы знаете, где сейчас находится автомобиль вашей жены?

– Да. Во дворе.

– Точно?

– Да нет...

Коломиец перестал что-то делать пальцами-«присосками».

– А вы знаете, Валерий Александрович, что «да нет» – это такая очень московская фраза? В Питере «поребрики» и «шаверма», а в Москве – «да нет»: согласие и отрицание одновременно. Очень похоже на этот город!

– Ну да.

– Или вот еще «ну да» – вторая московская фраза! Сказать «ну да» – все равно, что не сказать ни «нет», ни «да».

– Рифма...

– Что?

– У вас получилась рифма: сказать «ну да» – все равно, что не сказать ни «нет», ни «да».

– Ясно... – Коломиец вернулся к компьютеру, дав понять, что рифмы – последнее в списке его интересов. – Так вы знаете, где сейчас находится машина вашей жены?

– У дома, скорее всего. Она редко на ней... – я чуть не сказал «ездила», —ездит.

«Не говори о ней в прошедшем времени! Даже про себя! Особенно про себя!»

– Посмотрим... – опять ожила клавиатура. – Да, вижу.

– Что?

– Вижу, что в хорошем доме вы живете, Валерий Александрович, «золотой треугольник». Мои коллеги другой территориальности думают, что у нас тут трупы в норковые шубы заворачивают, а грабители снимают обувь, чтобы не запачкать ковры. Нет... или, как бы вы сказали по-московски, «да нет»: преступление в «Золотом» – такое же преступление. Но машины вашей жены я все-таки во дворе не вижу...

Его пальцы еще что-то делали с мышкой и клавиатурой, пока я обдумывал мысль: «Неужели он видит все, что происходит во дворе?»

– Судя по камерам, во дворе машины точно нет, – подтвердил он мою догадку. – Но вы еще проверьте! Кстати, кому принадлежит эта квартира?

– Моей жене.

– Жили у нее?

– Жили вместе.

– В ее квартире?

– Да, жили вместе в ее квартире.

– Но квартира ее?

– Да, ее.

– Добрó. Хотя лучше сказать «да нет». Я сам из Омска – там все проще. Говорят «да» или «нет». И есть его квартира, а есть ее квартира. И после того, как он и она ставят подписи в ЗАГСе, говорят: «Наша квартира». И не так уж важно, где она – ближе к Омскому тракту, к центру города, к стадиону... В Омске неважно, где квартира: в нашем городе нет «золотых треугольников», нет и серебряных, бриллиантовых...

– А у нас есть.

– Знаю, Валерий Александрович! Очень даже знаю! Мне и Дарья, жена моя, говорит: «Давай, Глеб, в центр города переедем – там хорошо, там красиво!» А я отвечаю: «Не надо». Потому что в центре дорого и сложно. А я не люблю, когда дорого и сложно.

– А я люблю.

Коломиец кивнул и еще какое-то время копался в компьютере. А я думал: «Почему родители называют ребенка Глеб? Это же созвучно с “глыба” и “глуп”...»

- Раньше вы с женой много путешествовали, а потом перестали. Почему?
- Денег перестало хватать.
- Вы где-то работаете?
- Нет.
- А она работала?
- Нет.
- Чем же вы оба занимались?
- Ну... путешествовали.
- Пока денег хватало?
- Ну да, – не подобралось ничего более подходящего, чем «вторая московская».

А что я должен был сказать? «Тратили деньги, откуда-то поступающие Юле, пока те не перестали приходить»? «Просыпались в двенадцать, до двух лежали в кровати – спорили, в какой ресторан пойти, смотрели сериалы»? «Так и не договорившись про ресторан, заказывали суши в ближайшем “Мия заки”»? «Изучали карту Южной Америки, решая, куда поедет в следующий раз»? Мы представляли ЮА телом человека. Аргентина была желудком, Чили – как пенис, Бразилия – самая большая, – спина и плечи, Перу и Колумбия – части лица. Колумбия должна была быть лбом, но мы решили, что ей больше подходит нос, а для Перу и Эквадора – рот и подбородок.

Нам очень нравилось в Перу: может быть, потому что мы побывали там в самом начале отношений – в «медовый месяц». Проехали от столицы Лимы вниз к океану, через пустыню и серые земли кечуа, к побережью Манкоры – раю серферов, а дальше – в настоящую сельву к шаманам. За два года мы объездили всю Южную Америку, кроме Венесуэлы: там были то государственные перевороты, то военные конфликты. А потом перевороты и конфликты начались в наших отношениях...

Венесуэла на карте была сердцем. Большим, но не таким, как его рисуют на открытках, – а как настоящим. В настоящем «сердце» мы так и не побывали.

- Вы ей звонили?
- Что?
- Вы звонили своей жене?
- Да, много раз.
- И?
- Телефон недоступен.
- Недоступен, выключен или не в сети?
- Не обслуживается... – я не знал, к какой именно категории относится это «не обслуживается».
- Странно!
- Что именно?
- «Не обслуживается» – это значит, что она не пользовалась сим-картой больше трех месяцев. Это ее номер? – Коломиец назвал номер Юли.
- Да.
- Да, вижу по базе, что не обслуживается. А последний раз был активен... Так, когда вы в последний раз видели жену?
- Две недели назад.
- Точно?
- Ну... да. Точно.
- При каких обстоятельствах?
- Встретились во дворе.
- И все?
- И все. Просто поговорили, – соврал я.

– Ясно.

Две недели назад, во вторник утром, я приехал и привычно остановился на противоположной стороне – в «кармане» между домами, откуда был хорошо виден подъезд. В восемь-девять утра дорогу обычно заполняли фургоны с продуктами для ближайших ресторанов и закрывали мою машину. Меня это устраивало: если Юля вдруг решит пойти не к бульварам, а в противоположную сторону, – меня не увидит. Правда, она не пошла так ни разу, а выходила прыгающей походкой, пересекала небольшой палисадник перед домом, возвращалась через полчаса с пакетом и высоким стаканом, улыбаясь, как будто это первый миндальный круассан и капучино в ее жизни.

В тот день Юля вышла раньше – я только добрался до конца первой фляжки «белого на черном». Она посмотрела в мою сторону. Припаркованных передо мной фургонов, как нарочно, не было. Я увидел ее лицо, а она, кажется, увидела меня и взглядом сказала: «Без тебя так хорошо! Уйди!» А потом отвернулась и «попрыгала» своей обычной дорогой. Я хотел посмотреть, куда она повернет, выйдя на бульвар, но вид закрыл подъехавший фургон.

Больше я ее не видел. Она не вернулась с выпечкой и кофе. На следующее утро она тоже не вышла из подъезда.

Ее взгляд «Уйди!» и ржавый борт «Газели» – вот и все, что я видел.

На такой же «Газели» шесть месяцев назад она отправила мне все мои вещи в черных мешках: вперемешку одежду, обувь, бумаги, милые безделушки, которые я привозил... мы привозили из поездок.

Мы никогда не опускались до уровня открывашек, магнитиков из дьюти-фри и даже каких-нибудь крафтовых штук из хиппи-магазина на побережье – забытая на столе в кафе зажигалка с надписью *You are not alone*¹ с изображением пляшущих скелетов, плавающая в луже игрушка, кепка, принесенная прибором, вязаная сумочка, подаренная старушкой-кечуа на острове Титикака...

Прилив в Бразилии принес нам самый лучший «трофей» – мячик «Уилсон». Только, в отличие от персонажа из «Изгоя», наш мячик был не белый, а в цветах бразильского карнавала. Вернувшись, я поставил его на стакан с изображением Багза Банни, который мы нашли в аэропорту Шарль-де-Голль год назад. Серые сводчатые крыши, повторяющие форму собора Парижской Богоматери, влажный холод из трубы-тоннеля, серый перрон с желтыми надписями *Do not cross* и *Ne traverse pas*², и прямо посреди него – стакан с Багзом Банни, грызущим огромную морковь... «Уилсон» поместился сверху, и вместе они стали похожи на кубок Премьер-лиги. Мячик стал нашей последней находкой: больше мы никуда не ездили.

– Валерий Александрович, так как давно вы расстались?

– Что?

– Как давно не живете вместе?

– Шесть месяцев.

– Но видели жену две недели назад?

– Да.

– Но ее номер телефона не используется шесть месяцев.

– Не знаю.

– И вы ей до этого не звонили?

– Нет.

– Почему?

– Потому что расстались.

– А как тогда вы встретились? Договорились?

---

¹ Ты не один (англ.).

² Не пересекать.

- Случайно.
- Как именно случайно?
- Люди как-то встречаются.
- А поточнее?
- Я ждал ее у подъезда.
- Ясно.

Пальцы-присоски запорхали от клавиатуры к лотку принтера, который с мягким шелестом печатал – как будто вышептывал бумагу. Я не хотел смотреть ни на Поддубных, ни на Кочубея. Оглядел кабинет: он был свежеекрашен в персиковый цвет, наличники двери – кристалльно белые, не захватаны руками жертв («Отпустите-помогите!»). Столы – обычные икеевские, а не металлические «гробы» с прикрученными лоханками пепельниц. В такой обстановке почему-то было еще тревожнее.

- Судя по базе, ее бывший муж умер семь лет назад, – сказал Коломиец.
- Может, это был гражданский муж.
- А как его зовут, этого гражданского мужа, или парня, или ухажера?
- Она называла его Ани́.
- Ани? С ударением на И?
- Да.
- Это фамилия или имя?
- Не знаю.

– Давайте тогда напишем: «Бывший гражданский муж – имя уточнить». Так, по списку: психотерапевт, бывший тренер, домработница, бывшая сестра, бывший брат – его вычеркнули, бывший гражданский муж, так... Что-то у нас тут много «бывших» получается?

- Ну да.
- Кто-то еще?
- Двоюродный брат. Я его никогда не видел – живет далеко.
- Где конкретно?
- В Башкирии. Может, в Киргизии... в Туркмении? Да какая разница! Где-то далеко.
- А, понимаю... Московский шовинизм: все, что дальше Садового кольца, – далеко и «какая разница». Все-таки проверьте! – он подхватил из «шепчущего» лотка два листа. – Список ближайших родственников и знакомых. А это протокол опроса.

- Хорошо, что не допроса.
- «Хочешь допрос? – Будет тебе допрос!»

– И еще: проверьте машину и вторую квартиру. Судя по базе данных – на Ленинградке. Вы о ней знали?

- Да.
- Ключи от нее есть?
- Да, есть.
- Еще проверьте ценные вещи: пропало что-то или нет.
- Проверю.
- От квартиры, которая здесь, у вас есть ключи? Вы же расстались...
- Временно не жили вме-сте... Да, есть.

Я нащупал в кармане кожаный овал – брелок ручной работы. Я подарил его Юле во время нашей поездки на Сицилию. И получил тогда первое сравнение с бывшим, «гражданским мужем, или парнем, или ухажером»: «Я не девочка! Мне бриллианты дарят!»

В коробке было два брелока – одинаковые божьи коровки, обе алого цвета: одна с черными пятнами, вторая – с белыми.

- Я подпишу пропуск и пока идите.

«Пока идите!» – обрюзгшие Поддубные ухмылялись, а Кочубей по-джокеровски растянул тонкие губы в улыбке: «Ну что, не получилось обмануть следователя? Ха-ха!»

– Спасибо.

– Пока не за что.

***

– Ваш пропуск, пожалуйста! – сказал очень толстый полицейский в будке на выходе.

И почему так часто бывает, что крупные люди работают в маленьких пространствах? В будках, в кабинках...

– Пропуск? Пропуск, да... Я не могу найти... я не могу... – к горлу подкатило что-то, как будто хочется плевать и кричать одновременно. – У меня жена про-па-ла. Же-на...

– Ну, ничего, разберемся! Следователь разберется... – «будочник» кивнул в сторону кабинета Коломийца. – Жизнь продолжается. Ваш пропуск, пожалуйста... – я увидел его бейдж с символической фамилией Дорогомилов.

Я, наконец, нашел бумажку.

– Проходите, пожалуйста, – Дорогомилов нажал на кнопку, вертушка пикнула и провернулась.

***

На ступеньках БРОВД, как жители «Золотого» называют ОВД на Бронной, я вдохнул новый воздух. Не режущее-колючий, как час назад, когда шел сюда, а влажно-терпкий – запах ранней московской весны.

Жизнь продолжается.

Последнее время разные люди говорили мне это в разных ситуациях. Первым был водитель, который привез мешки от Юли. Улыбчивый крепкий парень на ржавой «Газели», наверняка утром ест наваристый суп, а на выходных едет на рыбалку с сыном. Выгружая черные мешки-пузыри, он кивал, слушал мои пьяные жалобы, советовал что-то из разряда «Такая хрень, брат», а подытожил тем же – «Жизнь продолжается». Давние знакомые, бывшие коллеги, которых даже уже забываешь поздравлять с днем рождения, но вдруг иногда встречаешь, в один голос повторяли: «Жизнь продолжается».

Иногда мне казалось, что в магазине, если у кассирши не окажется сдачи, она вздохнет и скажет: «Ну, ничего, жизнь продолжается» – и пойдет за разменом. Двое, попавшие в ДТП, грустно слоняющиеся вокруг своих машин, вдруг просветлеют лицами, а над их головами загорятся «буллиты»: жизнь продолжается! И так же будет у бродяги, нашедшего купюру на дороге, у бабушки на лавочке, у плачущего ребенка в песочнице... Жизнь продолжается!

А вообще-то, все они были правы. Ошибались только в сказуемом.

Моя жизнь – не продолжается.

Теперь моя жизнь начинается!

***

Хотел пойти к Прудам – прогуляться, но вспомнил про «Список Коломийца» и пошел в сторону дома.

Во дворе поискал «Инфинити», но машины, действительно, не было. На обычном месте, где за Юлей был закреплен прямоугольник асфальта шесть на два метра стоимостью в одно-

комнатную квартиру в спальном районе, остались темные «червяки», как бывает, когда машина стоит всю зиму, снег ложится слой за слоем, а весной тает такими вот «червяками».

Ну, и куда ты подевалась, Энигма? Это я так называл «судя по базе, “Инфинити”, модель “Джи тридцать пять икс купе спорт”»: эта машина всегда была не «бесконечностью», а «загадкой». Японская, новая, дорогая – она все время ломалась и всегда по непонятным причинам. Но сейчас «Инфинити» во дворе не было: она достигла пика загадочности.

Хотел позвонить Коломийцу и сообщить об этом, но набрал Леру. «Бывшая сестра» – первая в списке и самая сложная. Будет проще говорить с ней здесь: звуки улицы добавят непосредственности.

– Лера, привет! Как дела? Да тут такое... Юля пропала.

Может, я перегнул с непосредственностью?

– Нет, не может быть... Как пропала? Как такое может быть?

Сестра Юли была рекордсменом пассивной агрессии и на любые утверждения собеседника сначала отвечала: «Нет, не может быть!», «О чем речь?» или просто «Да ты что?», а потом выдавала не меньше ста советов.

– Ты не знаешь, где она? Нет? Но как же так? Надо же срочно что-то делать! Надо вначале...

Я отложил телефон и продолжил разглядывать «червяков» от «Инфинити», пока продолжался монолог «Сто полезных советов от Леры».

– Да, я уже ходил в полицию, – ответил я, когда «пулемет» поутих.

– Когда?

– Сегодня.

– А почему так поздно?

– Поздно?

– Ты говорил, она пропала несколько дней назад. А пошел только сейчас?!

– Когда прошло семьдесят два часа.

– Ее нет уже семьдесят два часа! Этого просто не может быть! Да что у вас там случилось?

– Пока ничего.

– Как ничего? Ка-а-ак «ничего»? Все может случиться! То, что не случается всю жизнь...

– Случается за один день.

– Да-а-а! И что сказали в полиции? Да что они могут сказать! Что они могут сделать? Ты же знаешь, им все равно... Надо срочно кого-то нанять, срочно куда-то поехать, срочно кому-то позвонить...

Я опять отложил телефон и вернулся к созерцанию «червяков», в котором, правда, не было никакого смысла. Кроме фактора времени: белое-пушистое стало грязью, свалилось, высохло, стало пылью, которую скоро сдует ветреная московская весна... Похоже на наши с Юлей отношения.

– Это настоящая трагедия, – гремела Лера в трубке. – Тра-ге-ди-я! Этого просто не может быть!

– Лера! Она не погибла. Она просто... пока что... пропала.

– Да-да! Пусть лучше так! Пусть хоть какая-то, но надежда, вместо точки – запятая...

– Лера, хватит!

Еще после штук тридцати «ага-угу-да-да-конечно» я закончил разговор, позвонил Коломийцу, сказал, что «Инфинити» во дворе нет, а Юлина сестра ничего не знает. Коломиец без особого интереса несколько раз повторил «ясно-добрó», ничего не спрашивал и сам быстро отключился.

Я поднялся в квартиру. Вдохнул запах, по которому так скучал: кирпича и дерева, кожи дивана «Честерфилд», тяжелой ткани занавесок и еле заметный – масла лемонграсса, которое Юля разводила и поджигала в глиняной лампадке.

Перестань говорить о ней в прошедшем времени!

Сел на пуфик и понял, насколько устал. Уронил голову на руки и куда-то провалился. А когда очнулся – увидел, что внизу лежит что-то темное, похоже на подстреленную птицу с черным плотным оперением. Это был ботинок «Ком де Гарсон»³. Мы купили их в Токио. Дизайн «как дети»: без шнурков, черные сверху, с желтой подкладкой внутри. Стоили шестьсот долларов. У меня не было купюр по сто, и я отсчитывал двенадцать раз по пятьдесят, пока плоское оливковое лицо продавца-японца ухмылялось: «Ну, что, на последние берешь?»

Пошел на кухню, включил кофемашину. Я люблю заваривать кофе прямо в кружке, но Юлю раздражали остатки зерен в чашке, и я перешел на капсулы.

Отключил кофемашину, в шкафу нашел кулек молотого кофе – странно, что тот не попал в один из черных мешков, как все остальное, связанное со мной. Положил в чашку побольше, залил кипятком, подождал, пока остынет, выпил, открыл мусорный бак, бросил туда ботинок, сверху полил кофейной гущей, вернулся в прихожую, нашел второй «гарсон», бросил туда же.

Стильную «казнь» ботинок хотелось отметить. В шкафу должна была остаться спрятанная бутылка виски – за двумя большими мешками с рисом: один сорта «жасмин», второй – «для ризотто». Их мы купили в аэропорту Хайнаня в порыве начать готовить здоровую пищу дома, чтобы быть больше похожими на семью. Ни один из мешков мы так и не распаковали: семья у обоих подсознательно не получалась, зато пузатые бока упаковки служили мне тайником для бутылки.

Юля не переносила алкоголь ни в каком виде. Кажется, у нее вызывали ярость даже пакеты с рекламой «Джим Бим». И просто прятать бутылку было мало: надо было скрывать еще и запах выпивки. Так я изобрел «виски-чай»: в большую кружку наливал треть заварки, треть виски, треть кипятка, дальше – побольше лимона, пару ложек малинового варенья и мед (побольше меда, хоть я его ненавижу – эту тягучую гадость! – но именно мед отлично скрывает запах спирта). Из всех ингредиентов с малиной было больше всего проблем: Юля ее тоже любила, и малина быстро заканчивалась. И наоборот: мед всегда был – в огромном белом контейнере в кладовке.

Бутылка оказалась в тайнике. Я достал ее, понюхал: виски выветрился, запах напоминал прокисший творог, но хоть так! Заварил крепкий чай, решил не добавлять мед и лимон – теперь не от кого скрывать. Сделал пару больших обжигающих глотков.

Алкоголь начал действовать ко второй половине кружки. Я сел, прислонившись к колонне в центре гостиной, «прекрасно зонировуемой пространством», как говорила Юля... Как *говорит* Юля! Подмигнул разлапистому «Честерфилд», на котором мы провели столько времени, смотря фильмы, обсуждая всякую всячину... Достал «Список Коломийца», хотел вычеркнуть «Лера, бывшая сестра», но потом просто поставил «птичку» напротив.

Второй пункт – домработница Галина: самая «простая» из шести имен.

– Галина, добрый день! Юля пропала.

– Валерий Александрович! Да как же может быть...

На этот раз отставлять телефон не потребовалось: Галина ограничилась несколькими «не может быть».

– Галина, когда вы приходили, не замечали, что что-то не так?

– Нет, все было хорошо. Юленька была такая тихая, такая спокойная, такая...

Я мысленно попросил Галину сказать то, ради чего я приезжал каждое утро, прятался в машине, пил джин и смотрел, когда Юля выйдет, потом – когда вернется с выпечкой и бумажным стаканом, всякий раз находя одно и то же подтверждение.

Юля – счастливая! Без меня она счастливее и лучше!

– Такая спокойная! – сказала тактичная Галина.

---

³ Comme des Garçons.

– А когда вы приходили в последний раз?

– Две недели назад. А потом я пришла, но никто не открыл. Я звонила, но телефон не отвечал. Я подумала, что она уехала и забыла предупредить.

– Может, кто-то приходил? Ну... незнакомый?

– Нет. Я никого незнакомого не видела. Но Юленька сразу уходила, когда я убиралась, а возвращалась под конец. Да и что там было убирать? У нее и так был порядок. Белье погладить, полы помыть. Посуду она сама мыла...

– Ну да.

– Все будет хорошо, Валерий Александрович! И у вас, я верю. Главное – помнить, что жизнь...

– Да... продолжается.

Я отключил вызов, посмотрел на номер три: «тренер по пилатесу Сусанна». Это благодаря ей я стал «мальчиком из трущоб». В первый месяц, когда мы стали жить вместе, Юля устроила мне «тур» по ее немногочисленным подружкам. С Сусанной мы встретились в ресторане «Магадан» – из только зарождающейся тогда дурацкой категории гастробаров. Сусанна оказалась высокой блондинкой с телом норвежской лыжницы, сиськами калифорнийской порноактрисы и лицом рязанской девки на пороге гормонального увядания.

На «смотринах» она не особо обращала на меня внимание: они о чем-то болтали с Юлей, а я смотрел с балкона на Фрунзенскую набережную, и меня почему-то не оставляло ощущение фальши. В этих синюшных кусках краба, который вовсе не с Камчатки, а может, и не краб даже, в этой пене из перемолотых огурцов (ну, разумеется, слово «огурцы» не подходило для гастробара, а «корнишоны» – подходило), а еще – фальшь была в самой Сусанне.

А может, главная фальшь была в наших с Юлей отношениях?

Я сказал что-то про камчатского краба. Или что корнишоны – это просто огурцы. И в целом про явление гастробаров, за что и получил от Сусанны: «Ты что, как мальчик из трущоб?»

С тех пор я регулярно выслушивал от Юли про «мальчика из трущоб».

Четвертым в списке был психотерапевт Борис. Во время нашей первой и последней сессии, на которую мы пошли «работать над отношениями», он сказал: «Сожалею, но придется развестись». На столе стояла коробочка салфеток с одной вздернутой, как чуб у персонажа аниме. Я ею несколько раз ударил Бориса. Пара «чубов» вылетели, Борис опрокинулся в кресле, а секретарша за дверью стала звонить в полицию.

Юля орала, потом визжала. Потом, поняв, что ни то, ни другое не поможет, вывела меня из кабинета. А дальше произошла странная вещь: когда мы шли к дому, она взяла меня за руку и сказала: «Спасибо, что мы вместе», – как будто насилие – это для нее такой подтверждающий фактор любви.

Следующим были: «бывший гражданский муж, или парень, или ухажер – уточнить фамилию»; «двоюродный брат, живущий где-то далеко, то ли в Башкирии, то ли в Туркмении, то ли... – какая разница».

Я не заметил, как допил кружку. Наполнил еще одну, снова сел к колонне, смотрел на список.

Перед тем, как я ушел, Коломиец спросил кое-что еще:

– Валерий Александрович, первыми в списке близких людей, кроме «бывшей сестры», вы указали психотерапевта, тренера и уборщицу. Почему?

– Я не знаю.

Нет, знаю. Потому, что этот список никогда не даст ответа, куда на самом деле пропала Юля.

***

Справа от имен отчертил прямоугольник, добавил «to do list»: поискать во дворе машину (вычеркнул); съездить на вторую Юлину квартиру; проверить, не пропали ли ценные вещи. Поставил «птичку» напротив квартиры, вызвал такси.

Дождался сообщения «Вас ожидает...», доехал до дома на Ленинградке, где мы жили первые четыре месяца наших отношений. Юле здесь не нравилось – это сквозило даже через возбуждение конфетно-букетного периода. «Нужно расширяться», – говорила она.

Поднявшись до четырнадцатого этажа, лифт ударился об ограничитель со знакомым «бзум-блянк». Я какое-то время стоял в кабинке, то ли не понимая, что я здесь делаю, то ли просто не решаясь выйти и открыть входную дверь, за которой когда-то было то, что мы так быстро и глупо потеряли в обмен на «расширение».

Вышел, открыл нижний замок, надавив плечом на дверь, открыл заедающий верхний. Заглянул за створку, зажмурился. Был полдень. Квартира мерцала светом из всех окон, как магический шар. Вошел, сделал два осторожных шага: все осталось так же, как когда мы отсюда уехали. На вешалке висел плащ Юли, который она купила во Франции и почему-то называла велосипедным. На пуфике рожок с ручкой «голова жирафа» – мы тоже купили его в какой-то из поездок, не помню, где... Уткнулся в плащ: может, в нем остался запах ее любимых духов – «Ангелы и демоны»?

Нет, плащ был «мертв». Заглянул на обувную полку: ее старая обувь стояла ровными рядами. На уже вышедших из моды острых носках туфель и сапог лежала пыль.

Открыл шкаф в гостиной. Там висели в ряд платья, почти все черные и коктейльные. Я даже не знал, что Юля носила такие.

Здесь давно никого не было – можно вычеркнуть второй пункт. Я вышел, закрыл дверь, которая всегда плохо открывалась, но хорошо закрывалась. Наверняка эффект, связанный с механизмом замка: шестеренки проще провернуть вперед, чем назад.

«Да вы эрудит!» – сказал бы Коломиец. «Нет, просто внимателен к деталям».

Почему следователь уже живет в моей голове?

– А вы не забыли? – спросил кто-то невидимый, и я подумал, что мне почудилось. – Простите, но вы не забыли про котел?

– Что?

– Котел.

– Какой еще котел?

Я повернулся и увидел, что в пролете лестницы стоит мужичок в пестрой расплзшейся рубашке.

– Вы не забыли выключить котел?

– Что?

– Котел выключили?

– Какой еще котел?

Он прочистил горло («Э-кхе!») и поднялся на несколько ступенек.

– Жданов, сосед. Вы котел не забыли выключить?

– Я не включал никакой котел!

– Может, ваша жена включила? Она как-то приезжала. Горячую воду как раз отключали!

Она включила котел, потом забыла выключить – и вот...

– Что «вот»?

– Э-кхе... Пойдемте, покажу.

Я спустился за ним и оказался в квартире – точно такой же, как у Юли, но совсем другой. Скопление пестрого, потасканного, набросанного, как сам владелец. Нашим с Юлей идеалом

интерьера были черные полы, светло-серые стены, скрытые шкафы-ниши и как можно меньше мебели.

Жданов отвел меня в ванную. В незакрытом унитазе плавала какашка. Он почему-то не стал спускать, а просто закрыл крышку, потом начал тыкать пальцем в потолок, где через отслоившуюся краску проступали черные прожилки, и что-то рассказывать.

Мы закончили осмотр «места преступления», зашли на кухню, Жданов продолжил:

– Сначала появились просто капли. Потом – пятна. Потом вокруг них намокло, а потом...

Уже они...

– Кто?

– Трупья!

– Какие еще трупья?

– Нет, струпья!

– А... струпья! – успокоился я. – Ну да...

Жданов еще что-то говорил, а я вспоминал наш с Юлей секс: всего в трех метрах выше этой пестрой ужасной кухни мы лежали на полу, наши тела сплетались «звездочкой», рты дышали друг в друга словами «всегда» и «люблю».

Я достал две купюры по пять тысяч, положил на стол. Рыжие бумажки слились с пестрой клеенкой. Жданов покивал и замолчал.

– А вы это... Можете все-таки проверить котел?

– Да, проверю.

– Хозяйка-то опять в Париж укатила? – спросил он со всем возможным сочетанием раболепия и ненависти к тем, кто «укатывает» в Париж.

– Нет, не в Париж, не знаю.

– Э-кхе! – Жданов взял купюры, посмотрел на свет, проверяя, кивнул.

Я встал и вышел.

***

В этот раз верхний замок долго не поддавался. Я давил и тянул, боясь, что Жданов пойдет за мной и будет сам проверять, выключен ли котел. Наконец, замок открылся.

Зашел в ванную, открыл люк, проверил котел: тот был выключен. Хотел уйти, но пошел в спальню.

Лег на кровать – на ту половину, где раньше спала Юля. Стянул покрывало, уткнулся в подушку, пытался почувствовать «Ангелов и демонов», хоть чуть-чуть. Ничего. Выдвинул тумбочку: внутри лежала свернутая конвертом Юлина рубашка-пижама.

Понюхал. Тоже ничего.

В нижнем ящике нашел обувную коробку с фотографиями, достал несколько снимков. На одном был отец Юли в летной форме. На фотографии ему лет сорок, и он был удивительно похож на Юлю – точнее, она на него. На втором фото — Юля лет десяти, она с Лерой и, скорее всего, младшим «бывшим» братом. Они стояли на фоне куста гладиолусов в каком-то парке. Вроде бы рядом, но удивительно, насколько далеко друг от друга. Бывший брат и бывшая сестра... На остальных фото была обычная жизнь обычных советских семей: на Новый год – стол с вазой мандаринов, салатами, солеными огурцами, оливье в хрустальных «ладьях», с тонкой вытянутой бутылкой «Кизлярского» и парой пузатых – шампанского «Советское»; поездки на дачу; поход за грибами; пляж на Черном море...

Под фотографиями лежал желтый прямоугольник. Блокнот «Молескин». В правом верхнем углу портрет Хемингуэя – окладистая борода, взгляд старика, смотрящего на море.

Взгляд, который говорит: «Я все знаю».

Желтый. Часть 1

Не хочется портить первую страницу «Желтого» таким штампом, но...

Я расскажу, как все было.

Я сама убийца и поэтому знаю, кто убийца.

Отец говорил: большинство авиакатастроф случаются при взлете и посадке, очень редко – в полете.

Я оглядываюсь на свою жизнь и понимаю: так и есть.

И мне не посадить этот «самолет». Но я смогу оставить после себя «черный ящик», который запишет причины катастрофы.

И уж простите за то, что в основном это будут всхлипы и крики – жалкий писк среди коржащегося металла и воющего ветра.

***

Мое детство...

Девочку больше травмирует мать, не отец. Мать-конкурентка, всего лишь стареющая королева.

Мне десять лет. Отец попал в больницу. Нам говорили «ничего страшного». Культ отца-героя-летчика... Папа садится на льдину, чтобы спасти людей. Папа вылетает в такой буря, когда взлетная полоса закрыта, и мигают желтые огни. Занятия в школе отменены даже для старшекласников. Папа сегодня не придет: второй рейс подряд «все ради вас». И вот «папа в больнице» – все равно, что сказочный великан споткнулся и упал.

Мы с братом шептались: «Что-то не так». Сестра зыркала на нас злобно: боялась, что, не дай бог, услышит мать. Раскритится, избьет меня и запрет в чулане; Рустика посадит на колени, будет качать и напевать «туле-муле»; а ей самой достанется – «не досматриваешь, слепшарая!» Старшая сестра всегда должна «досматривать».

Не знаю, что страшнее: побои, попреки или «качели» на коленях. «Смотри, какие у женщины должны быть колени! – она показывала на свои “шары”. – А у тебя-то... Кожу на кости натянули! Счастливой-то не будешь...»

Я всегда была лишней. Чужая, не к месту, неправильная... Натянутая. Кожа на кости. Вот такой вот «туле-муле».

***

Недавно узнала, что «туле-муле» – это слова из татарской колыбельной, как «баю-баюшки-баю».

Верится с трудом. Колыбельная не может звучать как угроза. Перед поездкой к отцу в больницу я – зареванная, побитая – сижу в чулане. Стискиваю колени руками, размазываю слезы-сопли по лицу. Мать качает Рустика. Лерка, как назло, где-то шоркается, чтобы вся злость досталась мне.

Мать еще крупная, крепкая, с копной черных волос. Каждая волосинка – как проволока. Колени – дыни: гладкие, ни косточки. «Вот, смотри, какие у женщины должны быть ноги! А у тебя? Счастливой не будешь! Расхезанная... Ишь, шею вытянет... А ноги-то, колени-то – острые. И кому с такими нужна?»

Недавно я поняла, что всю жизнь копировала мать, ненавидя ее. Хреновый расклад – и единственный, чтобы выполнить предписание «счастливой не будешь». На виду – успех,

внутри – стекло битое. Когда моя душа попадет на операционный стол, небесный хирург достанет носок с елочными игрушками, который много-часто ударяли молотком.

Мы приехали к отцу в больницу. Красивое белое здание в глубине парка. Мать в шляпе, на шпильках. Отец встретил нас: как бы веселый, но в трениках с пузырями и майке-алкоголичке под «вафельным» халатом. Костюм антигероя, который всегда прятался за кителем и фуражкой с «курицей».

Я сразу распознала сигнал «что-то не так».

Он смеялся, шутил, качал Рустика, о чем-то по-взрослому спрашивал Леру. На меня внимания не обращал. Средний ребенок, девочка – в татарской семье всегда отрезанный ломоть.

Но в тот день у меня было что ему предложить.

На уроке домоводства мы делали мягкие игрушки. Я сшила волка: получилось очень хорошо, как в «Ну, погоди!», только на фуражке вместо якоря – «курица» летчика.

Мне всегда хотелось, чтобы отец был таким, как волк из мультфильма: милый, смешной, пусть и рассеянный.

– Папа, у меня подарок! – я дернула его за рукав «вафельного» халата.

Мать махнула: «Тихо ты!»

– Папа, У-МЕ-НЯ ТЕ-БЕ ПО-ДА-РОК!

Я чувствовала, что отец не просто проходит обследование. Что-то в его теле надломилось навсегда. То, что спустя десять лет приведет к очередному инсульту и поставит на ходунки, потом – ко второму, который «разобьет» его, уложив на кровать с клеенкой под простыней. Он предпочел бы разбиться на льдине, в лесу, нырнуть вместе со своим любимым самолетом в серые воды Амура, остаться в осколках фюзеляжа в горах Архыза, увязнуть в песках пустыни Гоби, как Экзюпери... Да где угодно, только не на пропитанных стариковскими потом и мочой простынях в районной больнице!

– Папа, это тебе! – я положила перед ним газетный сверток, но он даже не посмотрел.

Тогда сама раскрыла, показала. Даже в ярком свете больничной палаты было видно, что игрушка получилась хорошей. Глаза яркие, поза с одной отставленной ногой в черной брючине-клеше – как живая!

Он опять не посмотрел: взял, переложил с кровати на тумбочку. Может, пробормотал «хорошо» или «спасибо», а может, и ничего – не помню.

Пять минут мое детское воображение боролось с мыслью: «Ему не понравилось, она ему не нужна!» или «Он посмотрит потом». Да-да! Возьмет и будет рассматривать, любоваться... Изучит каждый стежок, сделанный мной для него. Только для него!

Я бы поверила в это, если бы мне было шесть-семь.

В десять? Нет!

В десять я знала настоящий ответ: моя игрушка не нужна. Я не нужна.

Я ЕМУ НЕ НУ-ЖНА!

Лера вывела нас в коридор, чтобы мать с отцом поговорили «о взрослом». Мы с братом ходили, рассматривали плакаты с изображениями людей, которые сломали руки-ноги, обгорели, отравились или просто недопомогали от температуры. Когда надоело, сидели на диване. Рустик собирал пирамидку. Лерка пару раз злобно зыркнула на нас и куда-то ушла. Я думала о своей ненужности и сравнивала себя с плакатами на стенах.

«Ну, и чем же я больна?»

Измерить температуру? Наложить гипс? Помазать ожоги кефиром?

Когда отец приехал из больницы и сказал, что забыл волка там, я как будто не заметила...

Что может быть страшнее слез ребенка? Когда ребенок плачет без слез.

Такие обиды остаются навсегда.

В смысле, остаются на всю жизнь.

***

Ненависть друг к другу родители передавали через нас: «Зачем только родились?», «Счастливой не будешь!», «Отрезанный ломоть».

А каким еще бывает ломоть, мам-пап, а?

Я средний ребенок, всегда аутсайдер. И да: я – ломоть, самый отрезанный из отрезанных. Ни радости первенца, ни успокоения последних.

Но это сейчас я понимаю, как они ненавидели друг друга. А тогда было тотальное чувство вины: «Я не такая».

Отец стал летать реже. Мать начала пить сразу: с утра, перед работой. За пару лет из гранд-дамы на шпильках и в костюмах а-ля Джеки Кеннеди превратилась в шаркающую сморщенную алкоголичку.

Когда дошло до трех бутылок в день и начали появляться признаки белой горячки, отец перевез ее на дачу. Опять решил не замечать проблему! Наверняка поднял глаза, подумал: «А мне бы в небо».

Я ненавижу мать... Но отца – еще больше!

***

Три звездочки на одной строке означают, что у текста названия нет, но начинается новый раздел. Так придумал кто-то еще в Александрийской библиотеке во втором веке до нашей эры.

Я ставлю их, хотя звездочки мне не нравятся: очень похожи на пиктограммы. Я бы предпочла названия.

Но назвать отдельные фрагменты не получается. Они все – как один большой фрагмент. Чего?

Того, что называют детством. Но я не могу его так назвать... Детство – радость, детство – приключения, детство – конечно, и печаль тоже. Печаль, но не отчаяние.

И я снова ставлю три точки вместо звездочек. Потом вычеркну, если что.

***

Мать умерла там, на даче, в пятьдесят пять, хотя уже выглядела на семьдесят. Два дня пролежала в луже блевотины под лестницей. Покончила с собой, запив литром водки смертельную дозу феназепамы.

Самоубийцы обычно представляют, что это как сон с переходом в мир грез – как у Алисы: спуск по кроличьей норе в Страну чудес.

На самом деле ее раздирало изнутри, ломало, рвало. Потом организм отреагировал страшной бьющей полукомой, а за ней – полной комой с короткими спазмами-всхлипами.

И ее душа – если она у нее была, если она вообще есть, – отделилась, летала и видела, как жалкий сморщенный клубок, оставшийся от дамы на шпильках, облепленный засохшей рвотой, дергается в предсмертных конвульсиях. Кусок плоти, который думал, что заслуживает любви...

Я это видела. Я была там. Я дала ей эти таблетки. Я принесла ей эту водку.

Я помогла ей отделиться от тела и увидеть нелюбовь. Это не было мстостью: я просто выразила свои чувства к ней.

Я убила ее? Нет, я помогла. Ее убили тридцать лет жизни с ненавистным мужчиной и детьми, которых она не хотела.

Но до этого момента – еще десять лет.

А пока мне восемь. Начало третьего класса, тема сочинения – «Как я люблю свою маму». А мне хотелось поперек листа, царапая бумагу, огромными буквами написать: «А Я НЕ ЛЮБЛЮ СВОЮ МАМУ. НЕ ЛЮБЛЮ... НЕ ЛЮБЛЮ... НЕ ЛЮБЛЮ!»

За день до этого Лера дала мне мелочь – наверное, стащила где-то: она всегда была воровкой. Но и трусихой тоже. Поэтому, украв, не оставила себе – испугалась.

Я пошла гулять. Хотела удивить девчонок во дворе – купить всем мороженое или что-то такое, но потом, когда наткнулась на палатку-развал с фруктами, решила, что можно сделать лучше. Захотела купить домой арбуз: вот как все обрадуются!

Представила свежий запах и большую красную улыбку.

Арбуз – всегда праздник.

Сама выбрала – не самый большой, а то не подняла бы. Все равно тяжелый: тащила почти час. Взмокла, но мне было радостно. Представляла, как принесу: все удивятся, меня похвалят, отец нарежет, потом все будем сидеть за столом и есть. А одна долька на блюде будет лежать и улыбаться, и мы все будем улыбаться. И потом мы будем счастливы! И хотя у нас в семье никогда так не было, но сегодня будет, наконец-то, обязательно будет! А все благодаря моему арбузу!

Удивительно, как дети с ненавидящими их родителями наделяют разные предметы волшебством. Я понимаю, почему «Гарри Поттер» приобрел такую популярность. Плохой язык, тупой сюжет, «картонные» персонажи, но все это неважно! Достаточно изобразить детей с магической силой, совами-помощниками, волшебными палочками и специальным местом, которое их объединяет и защищает – и тогда читатели простят все остальное.

Дотащила арбуз до квартиры, закатила в кухню. Горел свет, но было тихо: вроде никого. Я подумала: «Вот хорошо! Успею помыть и положить на блюдо!»

Помыла, стала вытирать полотенцем и не заметила, как мать подкралась сзади.

– Ты где бы-ла-а-а? Где-е-е ты-ы-ы бы-ла-а-а? Дря-а-ань!

Я уже привыкла, что она говорила таким полукаркающим-полусвистящим голосом.

– Я... Я за арбузом ходила, – показала на зеленый шар, который должен был все оправдать.

– Я спрашиваю: ты где-е-е была-а-а? Тва-а-арь та-ка-я! В ко-го у-ро-ди-лась?

На слоге «лась» она захлебнулась слюной и от этого разозлилась еще больше – ударила меня. Ну, и ладно! Арбуз – пнула. Помню ее пятку со «шпорой» в заломленном уродливом тапке, и как арбуз покатился, а она схватила меня за волосы, прижала к полу, сняла этот мерзкий тапок и долго била по голове.

Потом я, избитая, сидела, прислонившись спиной к кухонным шкафам. Чешская стенка с круглыми ручками-вырезами, желтая на панелях и с салатovým на окантовках дверец. Предмет гордости советских семей: «Покупаем импортную мебель? Значит, счастье есть! Любим детей и друг друга».

Когда я уже не могла рыдать, начала думать: «Зачем я все это сделала? Купила арбуз и так долго тащила. Заставляла мать беспокоиться... Она же, наверное, места себе не находила? Где я, что со мной?»

Дети не только любят любых родителей. Еще они оправдывают любые их поступки, потому что, несмотря ни на что, хотят выжить.

Когда отвсхлипывалась, поползла на четвереньках, выкатила из-под стола арбуз, взяла, донесла до мусоропровода. Открыла, положила в этот черный грязный-вонючий «рот», хлопнула: бу-у-ум! Услышала тяжелое «бам-бам-бам», потом далекое «хрямс» внизу.

Арбуз разбился, как и мои надежды. Утром из-под дворницкой потечет темная жижа с кислым запахом гнили.

Такой будет моя жизнь.

***

Дедушка и бабушка жили в Башкирии: сто километров от Уфы, деревня Мраково.

У них была собака – дворняга средних размеров с кличкой Плошка. Когда она гуляла и возвращалась поздно, они ее били: дед ногами, бабка – металлическим прутом. Дед в любую погоду носил резиновые сапоги, обрезанные по щиколотки, с шерстяной подкладкой, тяжелыми подошвами и корками грязи вокруг мысов. Не знаю, почему, но назывались они «подпорки».

До сих пор мелькает перед глазами, как мысок поднимается и опускается, ударяя Плошку. А та стоит, терпит, смотрит слоновьими глазами. Дед обычно показывал ей часы – кировские, без ремешка. Они висели у него на веревке, примотанные к брюкам. В детстве я не понимала, что только сумасшедший или очень злой человек будет показывать собаке часы: «Не вернулась вовремя!» А тогда – каждый вечер просила-умоляла, чтобы Плошка пришла вовремя, чтобы ее не били!

Бабка тоже била собаку, но по-другому: хладнокровно, с расчетом, целясь в спину, где у Плошки вылезал хребет. Потом этим же прутом она рисовала мне фигурки на земле, когда у нее вдруг появлялось настроение поиграть с Джанкой – так она называла меня: сокращенно от моего настоящего имени – Джамия. «Смотри, коняшка!» – показывала на пыль, где было нацарапано что-то похожее на червяка с ногами.

На этот же прут она опиралась, когда ходила. Мне хотелось, чтобы он надломился, и бабка упала в грязь, захлебнулась, задохнулась, перестала жить. Перестала бить бедную Плошку!

***

Мне было семнадцать. Пришла поздно вечером. Открыла дверь. Услышала, что мать уже в «первой позиции»: она кричала, что ей испортили жизнь, и конечно же, любимое «В кого уродились?»

– На часы смотрела, шалава?

– А сколько сейчас? – без особого желания устраивать перепалку отмахнулась я: она уже еле стояла на ногах.

– А вот... А вот сколько!

Снимая обувь, я не заметила, как она подошла. Потом – искры из глаз, стальной тяжелый «пятак» по переносице и воспоминания о Плошке.

Дед с бабкой давно умерли, а те кировские часы перекочевали к матери – на той же дурацкой волосатой веревке из пеньки. Часы сохранились, веревка – еще лучше. Иногда даже странно, что такие вещи служат дольше, чем длятся жизни людей.

Я пришла в себя, когда мать замахнулась второй раз. Я увернулась, схватила, что попало под руку. Это была подставка под коньки – валялась среди обуви: длинная, тяжелая. Размахнулась, ударила со всей силы. Мать завалилась – я попала ей по шее. На серой дряблой коже подставка оставила красные круги, очень похожие на бусы. Не задумываясь, ударила второй раз. Третий, четвертый, пятый... Хотела еще шестой и седьмой, но поняла, что убью. И поняла, что быстрая смерть – это слишком легко для нее.

Не-а! Не так хочу!

Она корчилась, валялась в ворохе обуви, тряслась, хрипела: «Не надо-о-о, доч-ка-а-а!»

Тогда я первый раз поняла, что могу. Вообще, все могу.

МО-ГУ!

Замахнулась еще раз – для вида. Она опять завывала. Я бросила пластиковую штуку от коньков, подняла мать, удивившись, какой легкой она стала. Или, может, я – сильной?

И куда девались те крепкие колени-дыни («Вот смотри, какие у женщины должны быть ноги»)? Как и волосы – один как пруток.

Отвела ее в комнату, налила стакан водки, сверху добавила полпузырька «Корвалолола».

Она выпила, осела, долго плакала. Потом заплетающимся языком рассказала историю, что когда-то была помощником прокурора в Нытвенском. Менты поймали маньяка, убившего нескольких женщин, и она его допрашивала. Тогда я была у нее в животе – пятый месяц. Во время допроса следак вышел, а маньяк, хоть и в наручниках, встал, пошел на нее. Она отступала, насколько в камере хватило места, а когда пятиться было уже некуда, расстегнула жакет, выставила вперед живот – внутри была я. Тот увидел, что она беременна, и замер. Тут как раз вернулся следователь и усадил его обратно.

– Ты спасла меня, доча-а-а... Спа-сла-а...

– Спасла, мама, – кивнула я и подумала: «И скоро еще раз спасу».

***

Я училась на художника-графика, но большая часть потока, как и я, считали себя художниками – молодыми и злыми, готовыми ко всему. Настоящие подростки из поколения «Дальше действовать будем мы», чьи пластичные годы пришлось на девяностые.

На Никольской была чебуречная – не та, куда ходят уж совсем алкоголики; приличнее – куда водили американских туристов. Всех этих Бенов и Барбар в бейсболках, которые улыбаются во все не свои тридцать два зуба и говорят что-то фальшивое о красоте и самобытности «Рус-си», хотя на самом деле видят, какое же убогое уродство вокруг.

Там был столик, за которым мы обычно сидели компанией человек в шестнадцать. Классика жанра – сборища, где мужчины творческие, бедные, недооцененные, в свитерах с «горлом» и джинсовках, один обязательно с гитарой. И все мнят себя великими художниками! И, конечно, очень хотят есть, выпивать и трахаться.

Среди них был Гена – действительно гениальный художник, который показал мне, что такое пропорции.

А еще помог мне убить мать.

***

Это сейчас Никольская светлая и нарядная, а тогда – один фонарь на сто метров, да и то часто не горел. Зато там можно было купить что угодно: оружие, наркотики... Проститутки стояли вдоль магазинов, поджидая улыбчивых Бенов, улизнувших из «Хилтона» без Барбар.

На углу была аптека, перед которой всегда стояло несколько человек в длинных пальто. Подкладки служили витриной для препаратов, как в фильме «Иван Васильевич», когда Шурик покупал микросхемы.

Когда мы сидели в той чебуречной, Гена иногда вставал и уходил. Однажды мне стало интересно, куда он ходит: я спросила. Он посмотрел на меня оценивающе, сказал: «Пошли, покажу». Мы купили упаковку феназепамы. Гена объяснил, как он влияет на нервную систему и какой эффект дает вместе с водкой, как его правильно дозировать, чтобы видеть волшебные сны, а не заснуть навсегда.

Я попробовала только один раз. Мне хватило. Состояние слишком напомнило мать: воловь глаза и размазанный рот. В чем-то я все-таки ей благодарна: она поставила мне «прививку» от алкоголя и наркотиков на всю жизнь.

Психологи говорят, что дети в семье, где родители – алкоголики, на всю жизнь обречены быть либо законченными алкоголиками, либо такими же упертыми трезвенниками.

Я – второе.

ТОТ ДЕНЬ

Феназепам стоил дорого, но за месяц я накопила на две упаковки. Двадцать граммов – в два раза больше смертельной дозы.

И наступил Тот День.

Впервые чувствую, как вместо уродливых звездочек-пиктограмм я хочу написать заголовок: «Тот день».

Или лучше напишу так: ТОТ ДЕНЬ.

Отец улетел на несколько недель. Мать запила сильнее обычного. Тут как раз подвернулась Лера – предложила отвезти ее на дачу. Я согласилась, кивнув: «Может, на свежем воздухе станет лучше».

В институте после первых двух лекций помелькала в мастерской, по-тихому вышла, сразу – на вокзал.

Когда доехала и вошла в дом, мать была почти трезвой – как будто чувствовала. Давно я ее такой не видела!

– Чего приперлась?

– Хотела поговорить.

– Чего говорить? Все равно счастливой не будешь...

Дальше она завела свою обычную шарманку: «в кого уродилась», «посмотри на себя», «шалава», «разрядилась, королева “Шантеклера”», «а волосы-то жидкие», «а колени-то, ноги какие», «и кто с такими замуж возьмет»...

Поток иссяк, когда я поставила бутылку на стол. Помню, как она колебалась. Она всегда была сильной. Не сразу умерла после такой дозы – после десятилетия алкоголизма умудрилась еще спуститься по лестнице, зашла в угол. Еще бы чуть-чуть – и позвонила: два ноля – один. Но телефона там не было...

Недавно я поняла, почему она пошла именно под лестницу. Они с отцом хотели установить там телефон. Телефон на даче в те времена – настоящий признак успеха: «Как у министров!», – продолжение ее присказки «Да ко мне министры ходят!»

Телефон они так и не поставили – это было, действительно, сложно. Но эта старая сука – с литром водки и двадцатью граммами феназепама в желудке – остатками умирающего сознания все-таки помнила, что там МОГ БЫ БЫТЬ телефон!

Мог бы, мама, мог... Но даже если бы был, тебе бы это не помогло!

Ее организм боролся: пропитый, старый, но все еще сильный. Так что она умерла не от комы – задохнулась собственной блевотиной: пыталась очистить желудок, продолжить жизнь. Напрасно: желудочный спазм возникает позже, чем смертельная доза втягивается в кровь.

Когда я узнала, что она провалялась в том углу под лестницей три дня, пока ее не обнаружили соседи, внутри заиграло: «Отомстила! За себя! За арбуз! За тысячи “счастливой не будешь” и “отрезанный ломоть”. И даже за то, что защищалась мной от маньяка!»

Получай! Бам-с!

Глава 2. Лера

Жизнь – магазин.

Бери с полки что хочешь и уходи.

Не помню, как вызвал такси, даже как сел в него. Очнулся в пробке на мосту напротив «Метрополиса».

– Ты где? – спросил кто-то в трубке.

– На мосту.

– На каком еще мосту? Валера, я знаю!

– Что?

– Я все знаю, – сказала Лера: это была она.

– Что «все»?

– Что случилось с Юлей.

– Что?

Повисла пауза, единственная за пять лет наших разговоров с Лерой.

– Мне звонил следователь... Этот Космодемьянцев.

– Коломиец.

– Да! И я знаю, где она.

– Где?

– Я расскажу, как все было! Она... там... точно! – снова через несвойственную паузу сказала Лера.

Видимо, ей не очень понравилась моя реакция.

– Давай встретимся.

– Зачем?

– Поговорить.

– Ну да... Ресторан «Моллюск» знаешь?

– Знаю.

– Давай там.

– Это рядом с прудами?

– Да.

– С Чистыми?

– Патриаршими.

– А почему не в квартире?

– Потому что я хочу много выпить и очень много съесть, – сказал я, и это была стопроцентная правда. И к ней я тут же добавил стопроцентную ложь: – С тобой.

– А, хорошо... Через час?

– Через три. У меня еще дела.

Я отключил вызов.

***

Дома я долго грелся под душем, скреб кожу, хотел смыть образ маленькой Юли: с глазами-блюдцами, руками и ногами-«спичками», длинной шеей («Ишь, шею вытянет!»), вся в синяках от ударов («В кого уродилась!»), как она тащит к черному мусоропроводу арбуз. И почему мусоропроводы, правда, всегда такие черные? Как будто раз в день кто-то выливает туда ведро мазута...

Несколько раз помыл голову, но стало только хуже: волосы сделались жирными, шампунь оказался для сухих волос – ненавижу такой, Юля тоже его ненавидела.

***

Заварил и сразу выпил кружку виски-чая, но лучше не стало. Заварил вторую, сел, прислонился к колонне, какое-то время «грел» руками обложку блокнота. Открыл на фразе: «Бабушка и дедушка жили в Башкирии». До встречи с Лерой оставалось еще два часа. Хотел почитать, но вспомнил, что после Жданова не осталось денег.

Подошел к Юлиной половине шкафа, выдвинул узкий ящик для часов и украшений, достал «ЛеКультр». Часы были как новые, но белая кожа ремешка сильно потерлась и потрескалась. Юля надевала их нечасто, но если надевала, не снимала ни в тренажерном зале, ни в бассейне, как будто хотела, чтобы они сильнее изнашивались.

***

Вышел, перешел Поварскую, по Молчановке дошел до «Эм» – как жители «Золотого» называют «Ароматный мир», взял две фляжки «белого на черном», спустился в переход через Новый Арбат, пока переходил, выпил первую.

Дошел до домов-книжек – главное уродство «Нового», вошел в узкий темный вход с крутой лестницей вниз и неоновой вывеской «Ломбард номер один».

– Добрый день! – сказал кавказец – эталонная вариация «грязного типа».

– Часы хочу продать.

– А коробки у вас нет? – он покрутил «ЛеКультр», потыкал пальцем по трещинам ремешка.

Сделал вид, что расстроился, но лицо вида скучающей собаки стало как у хорька.

– Нет.

– Не найдете?

– Нет.

– Без коробки дам тысячу.

Он еще покрутил часы и уточнил:

– Долларов, ка-а-нечно.

– Пятнадцать. И то только потому, что я спешу.

– Таких денег они не стоят, ка-а-нечно.

– Они стоят тридцать, но я спешу.

Я протянул руку за часами, взялся за корпус, на несколько секунд снова ощутил металл и тяжесть настоящей дорогой вещи. Не продал бы и за тридцать, но Лерино «я все знаю» ждало в «Моллюске» уже через час.

– Э-э... За-а-чем так? Мы только начали разговаривать! – он надел бинокляр, сделал пару чирков иголкой по задней крышке. – Десять ма-а-агу дать.

– Нет. Пятнадцать.

– Больше нет.

– Сколько сейчас есть?

– Двенадцать, и еще три Армен скоро принесет. Я па-зва-ню.

– Давай двенадцать. Вечером зайду за остальными.

– Да-да, брат... Сейчас я тебе расписку напишу.

– Не надо. Давай двенадцать, я спешу.

Выйдя из «Номер один», вернулся так же, через подземный переход, выпил вторую фляжку. Шел и думал, что к названию «ломбард» не подходит приставка «номер один». Лучше смотрелась бы «Точка невозврата» или «Последний шанс».

В моем случае – так точно.

***

«Моллюск» еще пару лет назад был самым популярным местом у жителей «Золотого». Свежие морепродукты, талантливый сомелье, расположение в самом центре Бэ-Бэ – Большой Бронной. К этому и так неплохому набору добавлялись пять больших туалетных комнат с глухими дверями на втором этаже. Внутри, помимо унитаза и биде, – уголок с душем и банкеткой, вешалкой и плечиками. А над каждой дверью, выбиваясь из стиля итальянской таверны, – две лампочки: зеленая и красная, занято-свободно.

Все пять пар лампочек были хорошо видны из зала, чтобы обычные посетители «Моллюска» – чиновники и топ-менеджеры – могли точно определить, когда и в какую комнату вести трахать любовниц, с которыми они здесь обедали.

Зачем я только сюда пригласил Леру?

***

– Валер, привет! Извини, что опоздала. Ты как?

Я махнул рукой: «Нормально». Сделал знак официанту. Первая бутылка «Шабли» незаметно подошла к нижнему уровню, а злобная тревога Джека Торранса из «Сияния», когда хочется взять топор и крушить все вокруг, поднялась до верхнего.

– Я ничего не буду, – сказала Лера.

Я кивнул, заказал еще одну «Шабли», тарелку морепродуктов «в брызгах лимона». Посмотрев на Леру, понял, что она ездил домой переодеться и обновить макияж.

– Вино сразу, – без вопросительной интонации сказал официант, пошел за бутылкой, быстро принес ее и безо всяких идиотских ритуалов с нюханьем пробки налил мне и Лере.

Может, «Моллюск» и перестал быть популярным, но сохранил профессионализм.

– Ой! Мы что, выпьем?

– За Юлю! – Я чокнулся с бокалом Леры и выпил свой. – Чтобы мы поскорей нашли ее!

Лера поправила подделку под классические прямоугольные «Картье» – скорее всего, «Массимо Дутти»: их выдавал ненастоящий крокодиловый ремешок, – и тоже сразу взяла свой бокал.

– «Шабли»! Мое любимое! Тебе надо как-то отвлечься... – Лера допила и откинулась на спинку кресла, колыхнув крупными ненастоящими сиськами под черным шелковым платьем – из тех, что обычно надевают в театр или на встречу выпускников «двадцать лет спустя».

«Уж не с тобой ли?» – подумал я и налил еще.

– Валера, тебе не надо винить себя за то, что она пропала. Ты не виноват!

– Да нет...

– Я знаю: ты не виноват. Тебе сейчас надо... переключиться. Ну и, конечно, думать только о том, как найти Юлю.

Два противоречивых послания от мастера пассивной агрессии!

– Ну да...

«Вот у нас в Омске говорят “да” или “нет”. Говорят “наша квартира”, а не “ее” или “его”. И неважно, где ты живешь: ближе к тракту или к стадиону».

– Юлю на самом деле зовут Джамиля.

– Что?

– Она изменила имя. Думала, так счастливой станет. Не-а! Помню, как у нас был праздник: отца за что-то наградили. Юлия вдруг встала – за столом еще чокаться не перестали – и объявила, что хочет покреститься и изменить имя. В паспорте изменить! И покреститься! Представляешь? Это в мусульманской семье! Хорошо, что мать к тому моменту уже напилась и ее увели.

– Значит, правда...

– Что?

– Что мать была алкоголичкой и ее куда-то уводили.

– Ну, правда... А ты откуда знаешь?

– Из... – я не стал продолжать, а то еще придется пересказывать Лере дневник. – Мне Юлия рассказывала.

Принесли еще вино и морепродукты.

– А как тебя зовут на самом деле?

– Гульнара.

– Гульнара? А почему ты называешь себя Лера?

– Как это почему? – удивилась Лера. – Потому что Гульнарой быть стыдно! Ты бы тогда как меня называл? Гуля, Нара?

Я почувствовал что-то опасно-кокетливое в этом «как бы ты меня называл».

– Лизетта.

– Ну, почти. Когда мы жили на севере, наш отец спас французского путешественника: его самолет разбился, но сам он выжил и дрейфовал на льдине. Папа полетел по вызову в буран, сел на ту льдину и забрал его. Француз подарил ему часы и сказал, что расскажет своей только что родившейся дочери, как его спас русский летчик. Папа сказал, что тоже ждет дочку – меня, и спросил, как тот назвал свою. Оказалось, Лизетта, как в той песне: «Лизетта, Мюзетта, Жанетта». Папа вернулся и хотел назвать меня Лизетта, но мама, конечно, сказала «нет».

– А чем тебе Гульнара не нравится?

– Гульнарой быть стыдно. Но я ко всему готова! Я же дочь летчика!

– При чем тут... Ладно, ты сказала, что что-то знаешь.

– Да.

– И?

– Юлия приходила ко мне только тогда, когда ей было нужно. Когда ей было тяжело. Рассказывала, жаловалась. Неприятно! А ты для нее – как магазин: приходит, берет, уходит.

– Лера... о чем ты?!

– Как ты вообще смог прожить с ней так долго? Три года! Никто столько не выдерживал.

– Я думал... думаю, мы подходили друг другу.

– А я думаю, что если долго всматриваться в бездну, бездна становится тобой.

– «Бездна начинает всматриваться в тебя», если ты про Ницше.

– Молодец, эрудит!

– А ты откуда... – я подыскивал что-то менее унижительное, чем «откуда ты знаешь Ницше?», но пьяное сознание сотворило нечто промежуточное: – А откуда ты любишь Ницше?

– Я Набокова люблю. И Монтрё люблю!

– Монтрё?

– Где Набоков жил. Хочу хоть раз побывать там... Швейцария! Эта сука была! Полторы тысячи в сутки, шампанское и рояль на завтрак. Но дело не в деньгах... Я с кем поеду? С битюком этим?

– С каким еще битюком?

– С Булатом, с каким!

Лера, кажется, перешла от бравадности ко второй стадии опьянения – вспыльчивой плаксивости.

– Зачем тебе в Монтрё?

– Как это зачем? Я же в литературном училась. Мать хотела, чтобы я была экономистом, а я на втором курсе перевелась. Вот как я всем показала!

– Но ты же экономист, Лера! Ты же в банке работаешь.

– Ну и что! А я все равно в Монтрё хочу!

– Я тоже в Монтрё хочу. Нет, не хочу я в Монтрё... Неважно, куда, главное подальше.

– Мне тоже... – Лера наклонилась, подняла с колен что-то черное и поставила на стол, как будто предъявила доказательство.

Я вздрогнул, но потом понял, что это еще один атрибут ее наряда «выпускники двадцать лет спустя» – маленькая лакированная сумочка: как те, в которых выдают бинокли в театре.

– А давай вместе в Монтрё?

– Это еще зачем?

– А затем! – Лера надулась и замолчала. – Глупый ты, Валера! Симпатичный, но глупый. Как моя первая любовь в школе, холодный блондин, симпатичный, но глупый.

– Я не блондин.

– Неважно. Все равно любить опасно.

Приносили еще «Шабли» и еду, мы о чем-то говорили: как обычно – ни о чем конкретном.

– Ты хотела мне рас-ска-зать... Что случилось с Ю-лей...

– Валера, ты что, пьяный? – сказала еще более пьяная Лера.

– Да нет...

– Я тебя понимаю.

– Да уж... – я посмотрел на лампочки наверху: три горели зеленым. – Я сейчас приду.

– Я с тобой.

Когда мы поднимались по лестнице, я увидел, что вдобавок к платью «встреча выпускников», часам «под “Картъе”» и «биноклевой» сумочке на Лере надеты ужасные ботильоны. Из толстой черной кожи, с идиотскими вырезами на пятках и каблуканами, похожими на утюги.

Мы зашли в третью кабинку, я закрыл дверь, сел на банкетку. Лера подошла к раковине. Я думал, она хотела умыться, но она приподняла платье и достала из «биноклевой» сумочки два серых квадратика.

– У меня есть, если что.

– Что «если что»?

– Но можешь и так, если хочешь.

– Лера, ты... Ты же понимаешь, насколько нам это не нужно? Обоим...

– Не нуж-но... А ты замечал, что слова по слогам, очень уродливые? – она выше подняла платье, подол положила на столешницу, тот попал в раковину.

– Нет, не замечал.

– Не нуж-но. Вот как это слово! Как будто старуха шамкает беззубыми деснами.

– А, по-моему, «не нужно» – просто «не нужно». Два слова, никто ничего не шамкает.

– Нужно! Одно слово всегда красивее!

Лера покачала бедрами, как пьяная. «Она и есть пьяная, – говорил мне внутренний голос, – да и ты тоже!» А еще громче этот голос говорил: «Не вздумай! Уходи отсюда!»

Лера поставила локти на столешницу и выгнула спину. Платье «полилось» в раковину, напоминая черную воду, только которая поступала не из крана, а наоборот – из слива.

– Лера, это никому не нужно.

– Это я никому не нужна! Как выброшенная игрушка! – Лера вдруг переменялась, одернула платье, села на банкетку и заплакала. – У нее был кто-то в Питере. Я не знаю, кто. Потом что-то случилось. Нехорошее. Она собиралась ехать туда, но сначала приехала ко мне. Мы до этого полгода не виделись. А тут она сама позвонила, пришла... Я хорошо помню, как она

повесила голову и спрятала взгляд, когда я открыла дверь. Обычно она смотрела прямо, сверля, или по сторонам, унижая, что мне нужно сменить одежду и как переделать квартиру. Но в этот раз было совсем не так. Сразу кинулась на кровать, слегла воробьем.

– Как это – слегла воробьем?

– Я так называю. Она всегда приходила, когда ей было тяжело, рассказывала и лежала воробьем.

– А воробьи лежат?

– Ну что ты прицепился! Лежала, нахохлилась и рассказывала, что есть человек, который ее любит по-настоящему. А она – его. И сейчас она поедет к нему, но чего-то боится.

– Чего боится?

– Не знаю.

– И поехала?

– Я не знаю.

– Как не знаешь?

– Вот так. Я ее обняла, но было уже поздно. У нее так всегда после откровенности – сплошная злоба... Она встала, вышла, дверью хлопнула, ушла.

– Ну да...

– Ты думаешь, у нее кто-то был?

Карауля в машине по утрам, я больше всего боялся увидеть, что однажды утром она выйдет не одна, а с кем-то, и они вдвоем попрыгают за выпечкой и кофе.

«У меня все хорошо без тебя. Уйди!» поменяется на «У меня все хорошо с другим! Уйди!». Разница в два слова, а такая пропасть.

– Не знаю. Какая теперь разница? Все проходит. Летом пух, зимой снег, осенью дождь.

– Ну да.

Я оставил Леру сидеть в туалетной комнате. Вышел, расплатился, из «Моллюска» пошел к «Большому Эм». Несмотря на сумерки, свет ударил в глаза. В магазине я показал на «белое на черном» и двумя пальцами – черчиллевскую «виктори». Хотя какая еще победа? Полное поражение.

– Мы валюту не принимаем, – сказал продавец, когда увидел, что я протягиваю сто долларов.

– Сдачи не надо.

– Валюту не принимаем, – в духе булгаковского аукциониста («Граждане, сдавайте валюту!») непримиримо повторил он.

Пока я рылся в карманах, ища половину от последней пестрой бумажки, рядом оказалась Лера:

– Я заплачú.

Она приложила карту и шепнула: «Валера, спрячь быстро деньги».

Похоже, раз ей не удалось стать любовницей, решила примерить на себя роль рачительной домохозяйки.

***

Мы не сговариваясь пошли к Прудам. Сейчас там никого не было: московская весна снова стала продолжением поздней зимы, мокрой и холодной.

Лера шла по серо-розовой гальке, я смотрел на ее ботильоны со сверкающими белыми пятками, которые от холода становились все больше фиолетовыми.

– Давай сядем, – предложила она.

Мы сели на лавочку, я дал ей фляжку, сам взял вторую. Какое-то время мы сидели, отпиливали джин маленькими глотками, как пьют кока-колу заболевшие ротавирусом.

– Юля говорила про Пруды, что тут как будто все зло скопилось.

– Это у нее все зло скопилось.

Я не знал, о чем еще разговаривать. Лера, кажется, тоже. Я подумал, что вокруг Прудов всегда стояли очень тусклые фонари. И только при входе светилось здание общественного туалета и МОГЭС. Может, это специально так сделано, чтобы поддерживать воландовскую энергетику приближающейся трагедии?

– Ты знаешь, через сколько человека считают пропавшим без вести? – спросила Лера.

– Нет, не знаю.

– Через год. Год, представляешь? О человеке может быть ничего не известно год, и только тогда считается, что он пропал...

– Лера, да о чем ты? Юля же недавно пропала.

– Недавно, – она попыталась отпить джин, но так застучала зубами о горлышко, что не получилось и мелкого глотка. – Полгода – тоже недавно.

– Пойдем.

Я повел ее в общественный туалет. Внутри, как ни странно, было чисто, хотя в вечернее время сюда наверняка ходили только бомжи. Мы вошли в кабинку. Я положил ее руки на стену, снял пальто, бросил на бачок. Платью уже некуда было струиться, и я как-то неуклюже подвязал его спереди, как завязывают клетчатые рубашки техасские девушки. Трусы на Лере были тоже из серии «встреча выпускников» – такое белье, которое не носят, а надевают, чтобы сразу снять.

Я просунул обе руки за ляжки по бедрам, развел в стороны. Тонкий эластичный материал сделал «крям-с». Я прислонил ее к себе, она вздохнула и стала тихонько постукивать каблучками-«утюгами», потом все громче.

***

Все закончилось быстро. Я помог ей одеться, мы вышли. На Прудах стало совсем темно и совсем холодно.

– Что нам теперь делать? – спросила она.

– Ничего, забыть.

– Нет, – Лера одернула платье, а я вспомнил разорванные куски трусов, болтающихся под ним. – Я не забуду. Пойдем теперь к тебе, в квартиру Юли. Хочу там.

– Нет. Зачем?

– Пойдем!

– Не надо, Лера, пожалуйста... Это было случайно.

– Нет! – она потнула «биноклевой» сумочкой. – Не пойдешь, тогда я останусь здесь!

– Оставайся.

– Это тебе как «бери с полки и уходи»?

– Лера, хватит!

– Иди ты!

Она демонстративно пошла по дорожке в другую сторону. Пятки, выглядывающие из ботильонов, из фиолетовых стали зелеными, каблучки заламывались. Она дошла до одной из скамеек. Поверхность отливала инеем, но Лера упрямо села, даже не подсунув под низ пальто.

– Лера, ну, пожалуйста...

Я хотел довести ее до Пушкинской: пусть сядет в метро, поедет домой, почти что красивая женщина с круговой подтяжкой, блефаропластикой, большой силиконовой грудью, в пальто с воротником из каракульчи, дурацкой лаковой сумочкой, будет изредка поправлять прямоугольник часов «Дутти» под «Картье», а все вокруг будут думать, что эта приличная дама едет из театра.

Она доедет, войдет в подъезд многоэтажного дома серии «сорок четыре пэ» и вызовет лифт. Интересно, когда она снимет разорванные, в сперме трусы? В подъезде, войдя в тень под лестницей, или в лифте? Скомкает и уберет их в сумочку? Или, уже войдя в квартиру, зайдет в ванную, пока битюк Булат украдкой опрокинет пятую стопку?

Но все пройдет гладко. Никто ничего не заметит. Или сделает вид, что не заметил. Возможно, они даже займутся сексом. На боку, под одеялом, в темноте и полной тишине.

Темнота и тишина – признаки несчастья.

– Лера, зачем ты рассказала мне про Питер, про какую-то измену? Про кого-то, кто ждал там Юлю? Чтобы переспать со мной? – я сел рядом на скамейку, слой инея неприятно ожег через брюки. (Каково же ей? А ведь сидит, упрямая!) – Или что?

– Потому что я ее ненавижу!

***

Я проснулся, всю ночь проспав, прислонившись спиной к колонне, «прекрасно зонированной пространством». Белый куб кухни светился. «Честерфилд», наоборот, покрывала плюшевая тень. Идеальная гостиная, как говорила Юля... Не так! Как *говорит* Юля: «Кухня утром освещена, приглашает к завтраку – в настоящий день. Она должна быть белым кубом, чтобы было ясно и светло. Диван – как большое разлапистое животное в тени. Умиротворение, покой».

Подобрал две фляжки «белого на черном» – на дне еще что-то плескалось. Выпил, хотел перебраться к дивану – сегодня не хочу никакого приглашения в настоящий день. Мне сейчас не нужен настоящий день...

Бытие ответило вибрирующим телефоном. Номер был незнакомый, и я нажал «отбой», но этот же номер перезвонил еще через пять минут, а потом – через десять.

– Да, слушаю.

– Валерий, это Булат. Лера пропала.

– Что?

– Валерий, это Булат, муж Леры. Сестры вашей жены...

– Я понял. А что вы потом сказали?

– Лера пропала... Моя Лерочка... Она про-па-ла... Пришла вчера днем, переоделась, сказала, что идет на важную встречу, и не-не-не... не вернулась.

Я вспомнил «крючок» Лериной фигуры на скамейке, когда уходил с Прудов. И ощущение: в тот момент там, и правда, как будто все зло скопилось.

– А она... – я чуть не сказал: «А она не со мной пошла на важную встречу». – А она пошла на важную встречу с кем?

– Я не знаю.

– По работе?

– Наверное, по работе.

– А вы ей звонили?

– Да-да, много раз.

– И что?

– Не отвечает.

– Телефон не отвечает, выключен, недоступен или не обслуживается?

– Недоступен, – ответил Булат.

В отличие от меня, он действительно много раз звонил своей пропавшей жене.

– Ясно, – ответил я по-коломыйцевски.

Мы оба молчали. Я пытался восстановить хронологию событий «“Моллюск” – Пруды – скамейка – туалет – вопрос “Почему ты так ненавидел Юлю?”». Нет, не так! Это же я спросил у Леры: «Почему ты так ненавидела Юлю?», – в ответ услышав... Что?

Булат, как мне показалось, прижимая телефон плечом к уху, жарил яичницу: в трубке был характерный звук хлопающего в масле белка.

«И правда, битюк! У него жена пропала, а он что делает? – разозлился я. – У тебя тоже жена пропала! А ты что делаешь?»

Я дополз до дивана и лег, а сковорода в трубке ударилась о тарелку. Звякнули приборы, заскрипел стул, послышалось «о-ох».

– Лерочка, моя Ле-ро-чка... Вы знаете, где она?

– Нет. Почему я должен знать?

– Мне звонил следователь. Сказал, что Юля пропала. А теперь пропала Лера! Они же сестры, и...

– Следователь разберется, – оборвал я его. – Жизнь продолжается, – и отключил вызов.

Допил то, что осталось на доньшке второй фляжки. Выветрившийся джин не обжег, но загорчил на языке и не принес никакого покоя. Я закрыл глаза, а когда снова открыл, белый куб кухни уже не светился: солнце приходило на эту сторону переуллка только в девять-десять утра.

Заварил виски-чай, сел к колонне, погладил плотную, но мягкую поверхность «Молескина». «Обложка мягкая, но твердая, тактильная», в истории создания блокнотов называли «Ойлскин»⁴, или клеенчатая.

– Да вы эрудит, Валерий Александрович! – сказал кто-то голосом полуЛеры-полуКоломийца.

Открыл на словах «После ее смерти...», но в этот момент телефон как-то по-особенному нервно завибрировал, а на экране появилась надпись «БРОВД»: вспомнишь... – оно и придет!

– Валерий Александрович, как вы?

– Спасибо, Глеб Евгеньевич, хорошо.

– Вы уже обзвонили список?

– Почти.

– Как-то вы не торопитесь...

– Я не смог дозвониться до двух людей вчера. Был у Юли в старой квартире, но ничего не нашел. Моей жены там давно не было. Там давно никого не было... Машины во дворе нет, но я вам уже говорил. А бывшая сестра... Лера, не знает, где Юля.

– А до кого еще дозвонились?

– До домработницы Галины, до Сусанны – тренера по пилатесу, до психотерапевта. И еще...

– Кстати, по поводу ее сестры... – оборвал мое вранье Коломиец, как отмахнулся.

– Да?

– Встречались с ней?

– Да.

– Когда?

– Вчера днем.

– Боюсь, у меня для вас не очень хорошие новости.

– Одна плохая, другая хорошая?

– Нет, пока только одна плохая.

– Какая?

– Ее муж мне только что позвонил и сказал, что Гульнара пропала.

– Лера.

– По паспорту Гульнара.

– Все называли ее «Лера». А где...

Теперь ты и о ней говоришь в прошедшем времени!

---

⁴ Oilskin (англ.) – «клеёнчатый».

– Вы подтверждаете, что вчера встречались с Гульнаррой?

– Да.

– Добрó. И, как говорится, не для протокола: Валерий Александрович, что между вами произошло?

– Да ничего. Поговорили о Юле, я проводил ее до метро.

Я опять вспомнил «темный крючок» Леры на скамейке. И еще это странное ощущение на Прудах, как будто там скопилось еще больше зла, чем обычно.

– До какого?

– Что?

– До какого метро вы ее проводили?

– До Пушкинской.

– А в каком часу это было?

– Ну... в восемь-девять.

– Вы же сказали, что встречались днем?

– Да, встретились днем. А потом просидели до вечера.

– Ясно. Так долго говорили о Юле?

– Да.

– И она уехала на метро в восемь-девять?

– Уехала.

– Добрó, – закончил Коломиец своим обычным «добром» и отключился.

Вторая кружка виски-чая, в которую я добавил в два раза больше виски, пролилась вниз по пищеводу, стала маслянистой теплотой.

Я достал «Список Коломийца», зачеркнул «Лера, бывшая сестра», открыл «Желтый».

Желтый. Часть 2

После ее смерти отец летал еще два года, а потом его «списали», и самым высоким «небом» для него стал четырнадцатый этаж квартиры. Он и так только на прежних заслугах дотянул до пятидесяти пяти... Глухой на одно ухо, скрывал последствия первого инсульта, которые сделали его движения резковатыми, как у железного дровосека из «Страны ОЗ».

Рустик учился в летном в Питере. Лера вышла замуж за чурбана со странным именем Булат. Они жили у бабушки мужа, оба посматривая на рецепты ее лекарств: «Ну, когда же ты умрешь и оставишь нам квартиру?» А я впервые осталась одна с отцом. Но это не значит, что я получила отца.

Он был рядом, но далеко. «Мне бы в небо» продолжилось, только теперь без формы и фуражки. Вместо них – костюм антигероя, как тогда в больнице: треники с пузырями и майка-алкоголичка.

Я ожидала, что он начнет пить, но отец не стал. Отстраненности ему добавила глухота, а потом – второй инсульт, который довел его до ходунков.

Но я продолжила бегать за ним: «Папа, я здесь! Посмотри на меня, обрати внимание, полюби!» И на первые деньги, которые появились от халтуры – студенты Полиграфа в основном расписывали стены кабаков, – я купила ему спортивные штаны «Адидас»: темно-синие, с тремя полосками и плотной тканью, чтобы никаких «пузырей».

Ожидаемо, но он их не носил. Ребенок не только безусловно любит любых родителей, он еще всю жизнь пытается им понравиться. Если не получается понравиться, то хотя бы привлечь внимание... Хотя бы купить внимание!

А перед его третьим инсультом у нас состоялся разговор.

– Пап, а почему ты себе кого-то не найдешь? – спросила я.

– А я маму люблю... – ответил он, не задумываясь.

Внутри заклокотало, но слова я нашла позже, уже после его смерти. Вот такие слова: «Ты любишь женщину, которая всю жизнь называла тебя колхозником, а твоих детей – отрезанными ломтями? Ты любишь шаркающую алкоголичку, жующую сухими обметанными лиловыми губами, чтобы выплюнуть ругательства? Ты любишь ту, которая травила твоих детей криками “В кого уродились?”, а если слов не хватало, била их? Ты любишь ее, хотя сам покупал ей водку – бутылку утром, бутылку вечером, – лишь бы она успокоилась и забылась пьяным сном? И ты любишь ее?»

Но мои чувства оформились в слова гораздо позже. А тогда я просто спросила очень по-детски:

– Почему?

– Я часть этой квартиры тебе оставлю.

Он обвел взглядом гостиную: стенка «Ольха» с кучей хрусталя, чехословацкий гарнитур – два зеленых кресла, один диван, журнальный столик. Все плотное, не износившееся, качественное, с гнутыми лакированными ножками и широкими подставками под руки – настоящий признак успеха любой советской семьи. Не телефон на даче, конечно, но...

– Часть? – спросила я, то ли удивившись, то ли не поняв: ведь я последняя, кто остался с ним. – Только часть?

– Ну, ты же тоже моя дочь.

«Тоже?» Не помню, я сказала это «тоже» или нет. Или просто сидела, молча захлебываясь от возмущения.

После этого мои попытки понравиться закончились. Как, наверное, у всех выросших детей, жаждущих завоевать внимание родителя. Это произошло резко, а накопленный внутри комок «Почему я не заслуживаю любви» разорвался, разлетелся: осколки засели глубоко, а выдернуть их получится только с мясом.

ТОТ ДЕНЬ

Второй по счету «тот день»... И я, кажется, знаю, почему заголовки – такая сложная часть писательства. Они либо приходят сами по себе, либо выглядят такими натянутыми и тупыми, что лучше вообще без них.

В то утро я пришла после вечеринки по поводу завершения очередного настенного «шедевра» в бывшем молочном цехе в Останкино, а теперь – клубе «Молоко». Наш «художественный руководитель» Виталик предлагал владельцу – осетину с лицом Берии и такой же фигурой злобного пингвина – изобразить, как суровый мужик отпивает из бутылки с молоком, а в его солнечных очках «Полис» отражаются костры поля боя. Но «Берия» не оценил креатива, и мы две недели рисовали на стенах грудастых блондинок – наполовину медсестер, наполовину австрийских фермерш: таково было смутное представление осетина о том, как выглядят идеальные сотрудницы иностранной культуры доения.

Работу закончили. Осетин заплатил неплохо, особенно девушкам. Меня он особо за девушку не держал – не блондинка, без груди, с плоской жопой. Мне дал меньше всех, но все равно много.

Я вернулась домой. Отец лежал скрюченный на кухне – третий инсульт. Я сразу поняла, что долго он не проживет. И не хочет.

Вся его левая сторона застыла и стала серой, рот перекосялся, левый глаз, судя по неподвижности, не видел. И когда потом я привела в больницу нотариуса, чтобы подписать дарственную на квартиру, его «ум-м-м» на вопрос: «Вы добровольно передаете право на квартиру своей дочери?» вполне можно было расценить как «да». Или как «нет». Я не знаю, что на самом деле хотел сказать отец. Не думаю, что «да».

Какая разница? Документы были подписаны, и я сразу поставила новые замки, чтобы брат с сестрой не смогли попасть в мою квартиру. МОЮ!

На следующий день взяла остаток за художество «секс-фермы», пошла в больницу и дала медсестре двести долларов, чтобы она сделала то, что нужно. Формально это называется «отключить пациента». Законно это можно сделать только в Швейцарии и еще нескольких штатах Америки, кажется. В России нельзя, но, как обычно у нас, любое «нельзя» преодолевается деньгами.

Мы с медсестрой зашли в моповую. Она, почему-то не включая свет, пересчитывала деньги. Пахло тряпками и хлоркой. Купюры были мелкие, она считала долго – уж и не знаю, откуда их надергал «Берия». Может, от фарцовки на вокзалах? Наконец, убедившись, что сумма правильная, она задала дежурный вопрос:

– Вы уверены, – именно так, без всякого знака вопроса в конце.

Я ничего не сказала, кивнула. В моповой было так темно, что кивок или противоположное движение головой «нет-нет» выглядели бы одинаково: «Да, уверена» или «Не уверена».

Но она поняла. И в начале ее смены отца не стало.

Ты же хотел в небо, папа?

Когда пятнадцать лет спустя психотерапевт спросил у меня: «Вы сепарировались от родителей?» – я ответила: «Я их отключила».

«Отключили от эмоций?» – не понял он.

«От всего отключила».

«Это плохо», – сказал он.

«А я думаю, что хорошо!» – ответила я.

Мне и тогда, и сейчас кажется, что хорошо. Страшный сон закончился – началась новая жизнь.

«Страшный сон» – так я назвала бы то, что Алеша Пешков назвал «Детство».

***

После «отключения» отца я на какое-то время занорилась. Не выходила из квартиры несколько недель. Не просто осталась одна – впервые в жизни у меня появилось свое место, где некого бояться и никому не нужно понравиться.

Не знаю, что было приятнее: ощущение, что больше никто не вломится в комнату, не заорет страшным голосом: «В кого уродились?», или то, что больше не для кого стараться в неисполненном желании обрести идеального папу, получая в ответ вариации на тему «Ты не нужна».

Первую неделю я лежала в гостиной на чехословацком диване – на зеленом плюше, еще хранившем звуки и запахи. В начале каждого застолья мать, сняв злобу похмелья, играла в «ванек-встанек»: рассказывала гостям о том, какие мы «этакие». Если никого из детей не было рядом, шла в комнату, выводила. Чаще всего меня: смотрите, вон-на какая! Дальше следовал список достижений: на пианино играет, рисунки рисует, книжки читает.

За столом кивали, отворачивались, закуривали, шептали: «А Рая-то опять напилась». Это я сейчас понимаю, нахожу слова, а тогда чувствовала страх и стыд.

Отвечая на вопрос Достоевского, стоит ли благополучие всего мира одной слезы ребенка, отвечу: НЕТ!

Благополучие всего мира не стоит даже секунды страха и стыда ребенка.

***

Первым я уничтожила этот диван... Изогнутые лакированные ручки и вязкий плюш. Взяла топор, который отец хранил за кухонной плитой – мать еще шутила: «Ишь, деревня! Топор за печку поставил» – и рубила-рубила... Острие застревало в подушках, соскакивало с лакированного дерева.

Изрубив диван, пошла в спальню, вытащила ящики, вывалила на пол отцовские ордена и летные книжки, до сих пор пахнувшие дерматиновыми обложками. Несколько разорвала, представляя, как отец заходит в здание аэропорта, показывает улыбчивой суке за стойкой.

– Клац-клац, – стучит «корочка».

– Вам в небо, подальше от жены и детей? Как же, понимаю! Пожалуйста, проходите...

Медали вытащила из коробок, чтобы смешались с битым стеклом и помойной грязью мусоропровода. Хочешь в небо, папа? А как насчет этой черной пропасти, а?!

Поняла, что такое удачное начало стоит отметить – решила устроить фейерверк. Взяла две коробки, побросала туда бокалы-елочки, маленькие рюмочки из затемненного стекла, «розетки» с орнаментами. Сверху придавила двумя тяжелыми салатницами из прессованного хрусталя, посыпала идиотскими рюмками-сапогами, которые Гусь-Хрустальный штамповал по миллиону в год.

Хотела бросить коробки в окно, представляя «брызги» стекла, но потом испугалась, что тяжелые салатницы могут кого-то убить, поэтому спустила к помойке коробку за коробкой, поставила.

Был один из тех дней в мае, когда весь город будто стал одним большим туалетом, в котором сильно набрызгали освежителем воздуха «Сирень».

Нашла в кустах палку. Почувствовала, как пальцы удлиняются, плечи разворачиваются, и стала бить-бить-бить по коробкам.

***

Через месяц вышла из «норы». К тому моменту меня отлучили от «настенного творчества» – расписывания кабаков-клубов – за прогулы. Я не переживала и устроилась на самый быстро растущий рынок середины двухтысячных – в рекламу.

Первое время двигать по экрану синюшные «ножки Буша», пристраивая их к надписи «Наша курочка», казалось веселым и даже творческим, а денег вполне хватало на еду и гулянки.

Я никогда особо не привязывалась к деньгам. Заскорюзлые пехорки, которые присылали родственники из Башкирии, стерлись из памяти, зато остались иномарки отца, французские туфли и пиджаки матери. Всю мою сознательную жизнь деньги в семье были. Счастья не было, но деньги были.

Вот и я думала: «Деньги у меня есть». Пока Лана, которая спала с владельцем и поэтому получала самые простые и дорогие заказы, которые мы называли «Шрифт поправить – и отправить», не предложила поехать кататься на лыжах.

Лез-Арк, три долины! Уж совсем не «Учкудук, три колодца». Яркие лыжи «Хэд», свитера крупной вязки с вышивкой елочки или оленя, солнечные очки «Клабмастер», глинтвейн у камина – все те представления, которые, оказывается, потаенно сидели во мне, во внутреннем контейнере с названием «Мечта».

Так что я сказала «поеду», даже не узнав, сколько это стоит. Пришла на встречу группы. Помню восторженные улыбки «Ух ты!» и элитарность закрытого клуба «Мы тут все свои». И помню свое ощущение, когда узнала, сколько надо сдать денег, только чтобы заказать билеты...

Ну, куда ты, слепошарая? Ишь, шею вытянула! Из породы колхозников... А на колени-то, на колени-то посмотри!

***

Вернулась в «нору», и тут как раз позвонила Лана, спросила: «Что у тебя с горнолыжкой?» – и потом еще что-то говорила. Я не слышала, что, но в конце разговора сказала «да». Она ответила: «Тогда завтра на Ленинском», – и отключилась. А что там на Ленинском?

Прошла по квартире, подзарядившись ощущением «Все это мое». Перезвонила Лане, спросила про Ленинский. Оказалось, что там находится лучший магазин с горнолыжной одеждой. Не стала спрашивать примерную стоимость – унижительно: все равно что в ресторане заказывать вино «подешевле». Название «Спорт плюс мода» и так говорило само за себя.

Залезла на антресоли, где от учиненного мной разрушения укрылась часть родительского наследства. Кое-как спустила тяжелый мешок: вперемешку коньки, ушанки, старые летные шлемы, которые отец приносил Рустику... Среди всего этого нашла отцовский горнолыжный костюм. Зажмурилась, задержала дыхание, надела. Пришелся впору: отец был низкого роста. Подошла к зеркалу, открыла один глаз, потом второй. Сразу бросилась в глаза мерцающая надпись «Домбай-1973» на груди и синий антрацитовый цвет. Представила вязаные свитера пастельных тонов, солнечные очки на бронзовых лицах – и я в этом «Домбае», как клякса посреди белого искрящегося света.

Что тут скажешь? Отрезанный ломоть, счастливой-то не будешь!

***

Мне опять хочется написать заголовок. Вот такой: «Суслики, стоп!»

Может, название с интригой – это дешевый ход, но тут хорошо подойдет.
Вы скоро поймете, почему.

Глава 3. Сусанна

А что я в итоге получила?

Только одно накопление – злобу на мир.

Я сидел в такси у ворот «дипачез» нашего с Юлей любимого терминала D. Взял с собой только загранпаспорт, деньги от «ЛеКультр» и вторые часы – ее любимые «Ван Клифф»: ограниченная серия, корпус из платины в форме пирамиды, небольшой простой циферблат; на обратной стороне, вместо обычного для турбийонов стекла, – бриллиант-каратник. Зачем смотреть на шестеренки, сделанные человеком, если можно смотреть на совершенство, созданное природой? Юля называла такие вещи «скрытый шик»: очень дорого, но оценить может только тот, кто понимает, насколько.

В любом «Ломбарде номер один» любой страны «Ван Клифф» можно продать тысяч за сто, а если повезет – за сто пятьдесят. Хватит на пять-семь лет где-нибудь в Хургаде, чтобы жить в маленькой квартирке с видом на каменоломню, из удобств – кондиционер и крошечный туалет, который можно превратить в душ, отсоединив шланг от слива. А из развлечений – ездить на побережье на автобусе, полном арабских семей: мужчины курят одну за другой, обсуждая что-то так громко, как будто каждая фраза решает судьбу мира; женщины в хиджабах отворачиваются от меня; горлающая орава детей корчит рожи и кидается бумажками.

Потом сидеть в сторонке на общественном пляже, больше похожем на выгоревшую помойку, смотреть на ржавые завалившиеся остовы кораблей и подкатывающие к ним белые барашки волн. Море дарит свою красоту всем, бесплатно. Как и огонь. Может, поэтому на них можно смотреть вечно?

А пока не сотрется, не выгорит приличная одежда, а загар из туристического не превратится в местный, по вечерам можно ходить в рестораны ближайших отелей под видом постояльца. Но когда все рубашки станут черепахового цвета, штаны вытянутся, доступ к пяти звездам будет закрыт – останется только квартира с видом на каменоломню и автобус битком до пляжа-помойки.

Мальчик из трущоб вернулся в трущобы. Триумфальное возвращение в трущобы!

Я вспомнил, как Сусанна загибала длинные подагрические пальцы и рассказывала Юле:

– Все мальчики делятся на три типа. Первый – это умненькие, слоган: «Почему мы такие бедные, если мы такие умные?» Второй – удачливые, слоган: «Деньги есть, но не знаю, как и откуда», поэтому ненадолго. И третий – мальчики из трущоб, – она махнула в мою сторону.

– И какой у них слоган? «Бери от жизни все»? – попытался пошутить я.

Сусанна сделал вид, что вместо меня перед ней пустой стул, а Юля, вся вытянувшись вперед, спросила:

– И какие они?

– Умненькие, но неудачливые. Удачливые, но не умненькие. Все быстро теряют, потому что не умненькие. Не имеют ничего, потому что неудачливые, хоть и умненькие.

Они еще о чем-то говорили, и Юля кивала, косясь на меня. Чего было коситься? И так понятно, что я «тип третий» – мальчик из трущоб.

– Вы идете или нет?

– Что?

– Либо идете, либо нет. Я не могу стоять здесь часами! – сказал таксист.

Я положил сто долларов на подлокотник, он забрал, но все равно хмыкнул: «Да не могу я здесь стоять!»

Мне хотелось ответить: «Я тоже не могу ничего сделать!» Еще какое-то время я сидел, тербя обложку паспорта и «Ван Клифф».

Козырек на месте пассажира был откинут, шторка на зеркальце отодвинута, из прямого угольника на меня смотрела Юля: «Мне не посадить этот “самолет”... Но я смогу после себя оставить “черный ящик”, который запишет причины катастрофы».

Я кивнул, достал список, набрал номер.

– Сусанна?

– Да.

– Это Валера, муж Юли. Мальчик из трущоб.

– Какой Валера? Каких трущоб?

– Я муж Юли. Мы встречались.

– Не помню.

– Я хотел с вами поговорить.

– Зачем?

– Мы можем встретиться?

– Для чего?

– Юля пропала. Я не знаю, что случилось с Юлей.

Эти слова подействовали.

– Где пилатес-центр, знаешь? – Сусанна была из тех, кто быстро и без спроса переходит на «ты».

– Знаю.

– Напротив, сегодня в час.

***

Напротив пилатес-центра была арка во внутренний двор. Справа от нее – витрина «Агент Провокатор», слева – «Тортики на заказ». Астеничные манекены «Агента» в черных рюшах контрастировали с кремовыми фигурками Золушки и Кота Леопольда в витрине «Тортиков».

На одном из тортиков была фигурка «Мышильда», искусно сделанная из разных сортов шоколада: в кафтане Дракулы из черного, длинным хвостом из темного, остроносой мордочкой из молочного с очень реалистичными глазами – бусинами драже. К Мышильде по блестящей глазури бежали семеро мышат из белого шоколада со стружкой завитушек-ушей.

Не знаю чем, но «Мышильда» была похожа на Юлю. Захотелось разбить витрину «Тортиков», поэтому я перешел на сторону «Агента», стал рассматривать, что там. Кружавчики на трусах и лифчиках по последней моде соединялись с пластиковыми цветастыми вставками, как будто на эти места кружева не хватило, и производители залатали их кусками разных пакетов.

– По-моему, говно.

Я обернулся, увидел Сусанну. С момента нашей последней встречи она сохранила фигуру шведской лыжницы и сиськи Памелы Андерсон, но лицо стало больше похоже на Робин Райт в той части «Форреста», когда она уже вот-вот умрет. На Сусанне был бежевый тренч, на ногах – лосины для фитнеса и кроссовки-копыта «Баленсиага».

– Хорошее белье – как оправа к брюлику, – она показала на витрину. – Должно быть простым, почти незаметным. Возбуждает камень – оправа подсвечивает.

Я кивнул. Мы вошли в небольшой дворик, сели на лавочку. Из безразмерной сумки «МакКуин» она достала пластиковый лоток с салатом и бутылку с серо-зеленой маслянистой жидкостью.

– Обеденный перерыв.

– Да, – я достал фляжку «белого на черном». – У меня тоже.

– А... мальчик из трущоб! Пьешь вместо обеда?!

– Ну да, – я открыл фляжку и отпил.

Она кивнула, позиционная война между нами была безоговорочно выиграна в ее пользу, открыла бутылку с серо-зеленым, достала серебристый цилиндр-пенал, похожий на помаду, сделала «чик-чик», и на поверхность просыпалась желтоватая горка.

– Будешь?

– Спасибо, – я помотал головой. – У алкоголя нет друзей.

– Ни у кого нет друзей.

Сусанна потрясла бутылку, и посыпка исчезла внутри массы. Отпила, открыла салат, наколола на вилку стопку листьев.

– Гуано – говно летучих мышей и морских птиц. Говорят, самый лучший детокс.

– Из-за аммиака.

– Ты что, эрудит?

– Нет, я просто...

Сусанна в своей обычной манере не дала договорить, отмахнулась:

– Очень сильный яд, но в малых дозах он делает организм моложе. Сковывает, замораживает клетки. Что-то типа ботокса, только сразу для всего тела.

– И как на вкус гуано?

– Как говно.

– Символично. Очиститься от своего говна с помощью чужого.

– Ага. – Сусанна сделала еще один «чик-чик», потрясла бутылку. – Детокс чужим говном...

– Декокx.

– Да... – Она отпила. – Ты что-то хотел спросить?

– Юля пропала.

– Это я знаю, мент звонил.

– Да... Я просто хотел узнать: может, ты что-то знаешь? Куда она могла поехать, или уйти, или... К кому?

– Я? Я была ее тренер по пилатесу, а ты ее муж! И ты у меня спрашиваешь, куда пропала твоя жена?

– Мне больше не у кого.

– Мудак, что сказать.

Сусанна допила «декокx», выбросила бутылку, закурила сигарету, наколола новую стопку салатных листьев.

– Может, ты знаешь кого-то, кто знает?

– «Может, ты знаешь того, кто знает...» – передразнила она, сделала «всуп-всуп» сигаретой и «хрум-хрум» салатом. – Нет, не знаю. Откуда?

– Ну да...

Какое-то время мы молчали.

– Женщины «Золотого» делятся на три типа, – начала Сусанна, докурив. Так же, как когда-то в «Магадане», загибая подагрические пальцы: – Первый – это жены. Шесть дней в неделю, как в тереме. Или как в тюрьме. Немецкое «три К»: киндер, кюхе и... Как его там...

– Кирхе.

– Молодец, эрудит! Да, синагога, мечеть, католический собор, церковь... Неважно! Они даже маникюр-педикюр вызывают домой, потому что не доверяют няням и домработницам – не могут их оставить без присмотра. Не потому, что те сделают что-то не то. Просто надо за всем присматривать – это становится смыслом твоего существования, если ты стала женой кого-то из «О-о-о». – Сусанна еще затянулась, сложила губы трубочкой, выпустила три ровных кольца дыма в форме О. – Присматривай, детка... Присматривай! Шесть дней! Но есть седьмой день, в который ты главная. На самом деле, тебя «выгуливают», как скаковую лошадь, которая долго выигрывала на скачках, но сейчас постарела и теперь стоит в стойле, никому не нужная.

Но иногда – редко – выводить ее необходимо, иначе сердце оплывет жиром, и она умрет. И «жокей» идет с тобой. В смысле, муж...

– Да, я понял аллегорию. Тот, кто раньше на тебе скакал.

– Ага. Но он не просто идет: он первый раз за всю неделю с тобой, он тебя слушает, он обращает на тебя внимание. Это не благородство, нет-нет... Это извращенное чувство вины за «Я же когда-то с ней...» А у нее несколько часов власти над властью. Ну и что, что вместо скипетра и короны толкаешь коляску с орущим кульком и привязанным к ней поводком с собачкой, которую захотели дети постарше: в первый день радовались, обещали «всегда гулять и убирать», а на следующий забыли, и теперь это еще одна строчка в списке «присматривай». Нет, ты не можешь просто открыть входную дверь и сказать: «Иди, малыш, ты свободен!» Потому, что ты хорошая. Сотня шагов до ресторана, полтора часа завтрак с несколькими формальными вопросами про детей, про строящийся загородный дом и «Не пора ли обновить ей «Кайен»?» – Сусанна выпустила еще несколько О. – И все.

– Как-то невесело.

– А я думаю, говно. И никаким чужим говном такое говно не задетоксится.

– И не закоксится...

– Закоксить все что угодно можно, но нельзя закоксивать: ты же мать, ты же жена уважаемого человека, у тебя джек-рассел рядом повизгивает! – Сусанна закурила еще одну, сделала глубокий «всуп-всуп» и «хрусть-хрусть» салатом. – Зато стопроцентная гарантия, что совсем тебя не выбросят. Из-за детей, конечно. Они же будут кричать: «Где наша мама?!» А дети – это наследники, это святое...

– Сусанна, я хотел спросить...

– Второй тип – это любовницы, – в обычной манере перебила она. – Про таких снимают фильмы типа «Бесценная» с Одри Тоту, пишут книги – Настасья Филипповна, Грушенька, «Дама с камелиями» и все такое... Они заводят собачек, если только сами захотят, такие же подаренные «Кайены» раз в год перевязаны ленточкой с бантом. Каждый день – два часа фитнеса, столько же спа, десять минут ебли тела и пара часов ебли мозга. И свободна до следующего дня! Но никаких детей. Категории «жена» и «любовница» не перемешиваются, не взбалтываются. Иногда любовница может стать женой. А может и не стать. Тут либо кольцо на пальце, либо отступная квартира где-нибудь на Вернадского...

– А при чем тут Юля?

– Ни при чем.

Сусанна снова достала «помадный» пенал, но тут же убрала. На площадку пришли две женщины с «боевым» макияжем и завитыми волосами, но в спортивных костюмах оверсайз – скорее всего, попадающие под классификацию «номер один: жены».

За ними – в подтверждение – вбежали мальчики и девочки, как будто только что ожившие манекены из витрины «Ю.С.Поло фо кидс», а за ними – процессия обезьяноподобных филиппинок, старательно выговаривающих «Стивен, хау вё зэ классес тудэй?»⁵ и «Хау ю кэн сэй ит ин инглиш Ребекка, плиз?»⁶, потому что за «уроки английского» им платили на пятьсот долларов в месяц больше.

Сусанна вдавила сигарету в остатки салатных листьев, выкинула контейнер в урну.

– Ладно. Мне пора.

– Но ты не сказала...

– Я не знаю... что случилось на самом деле. Но что-то случилось, точно.

---

⁵ Stephen, how ware the classes today? (англ.) – «Стёпа, как тебе сегодняшние уроки в школе?».

⁶ How you can say it in English, Rebecca? Please! (англ.) – «Ребекка, как ты скажешь это по-английски? Прошу!».

Она встала и быстро вышла через арку, отворачиваясь от двух мамаш в плюшевых «Гуччи». Я только успел увидеть, как «МакКуин» качнулся влево: значит, Сусанна повернула из арки направо.

Посидел какое-то время, думая, идти за ней или нет. Потом тоже встал и пошел, по дороге сказав двум «плюшевым»:

– Вам джек-рассела не хватает.

***

Пошел в сторону дома. Решил прогуляться по бульварам, перешел на другую сторону, постоял напротив «Пушкина». Подумал, что этот ресторан – такой «тульский пряник» в «Золотом»: никто из местных сюда не ходит, но все о нем говорят.

Хотел свернуть к «Большому Эм», но на светофоре на углу с театром Маяковского увидел Сусанну. Побежал за ней, хотел догнать, но остановился от мысли: «Для чего?»

До Воздвиженки – этой всегда продуваемой и самой некрасивой улицы «Золотого» – шел за ней на дальнем расстоянии, пока она не свернула в Романов – худшее место для слежки: короткий и прямой переулок, почти нет арок во дворы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.